Наталья
АЛЕКСАНДРОВА

ПОРВАННАЯ СТРУНА

Наталья Николаевна Александрова

Порванная струна

Серия «Детектив-любитель Надежда Лебедева»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152843
Александрова Н. Порванная струна: роман: АСТ; М.; 2008
ISBN 978-5-17-052294-1

Аннотация

Прекрасно одетая девушка вырвала из рук пожилой женщины хозяйственные сумки с продуктами – и немедленно выбросила их в мусорный бак.

Эта девица – сумасшедшая? Такова первая мысль Андриана, давнего знакомого Надежды Лебедевой, невольного свидетеля случившегося. Однако очень скоро Андриану становится совсем не до шуток – ведь его обвиняют в убийстве этой таинственной "воровки".

Кто она? Почему все улики указывают на ни в чем не повинного юношу? И главное, кто настоящий убийца?

Детектив-любитель Надежда Лебедева, уверенная в невиновности Андриана, начинает собственное расследование...

Наталья Александрова
Порванная струна

Скрипка пела то высоким прозрачным девичьим голосом, то низким хрипловатым зрелым контральто. В ее звуках было все: и бесчисленные оттенки страсти, от ревнивой жажды обладания до нежной жертвенности, и молитвенный экстаз, и горький надрыв, и светлая вера. Нежность и грубость, ласка и угроза… Этот инструмент больше всех других напоминает человеческий голос, не случайно лучшие скрипки имеют собственные имена и стоят целые состояния.

Скрипка заплакала с берущей за душу щемящей тоской и замолчала… Мужчина вынул кассету из магнитофона и спрятал ее в нагрудный карман, ближе к сердцу. Он мог слушать эту запись бесконечно, но сегодня у него были дела. Неотложные дела.

Наверное, пересадочный узел между станциями метро «Гостиный двор» и «Невский проспект» – это самое людное место в Петербурге. Особенно в час пик.

В самый что ни на есть час пик, ровно в половине шестого вечера, по короткому пересадочному эскалатору снизу вверх ехал молодой, бедно одетый мужчина – китайская кожаная куртка, потертая кепка, помятое, скверно выбритое лицо. Он ехал, внимательно вглядываясь в людей, спускающихся на-

встречу. Как раз посредине эскалатора он увидел человека в длинном оливковом плаще, темной шляпе, черных перчатках и крупных очках с дымчатыми стеклами.

Увидев друг друга, эти двое, перегнувшись через разделявшую их нейтральную полосу, протянули одинаковые с виду сложенные газеты и обменялись ими. После этого обмена они разъехались, утратив интерес к окружающему. Дальнейшее их поведение разительно отличалось.

Мужчина в оливковом плаще, спустившись на станцию «Невский проспект», смешался с толпой, прошел насквозь всю платформу и на другом ее конце, оглядевшись по сторонам и убедившись, что в окружающей толчее никто не обращает на него внимания, вынул из кармана полиэтиленовый пакет, осторожно снял перчатки, стараясь не прикасаться к ним голыми руками, бросил их в пакет. Затем снял шляпу, смял ее и опустил туда же. В тот же пакет бросил и очки. Затем этот пакет опустил в скромно притулившийся в углу ящик для мусора и, снова оглядевшись по сторонам, нырнул в подошедший поезд.

Человек в дешевой китайской куртке, поднявшись на станцию «Гостиный двор», прошел несколько метров в окружающем его плотном потоке пассажиров, затем, воровато оглядевшись по сторонам, развернул сложенную газету. Увидев внутри небольшую стопку нарезанной газетной бумаги, он удивленно пожал плечами, на всякий случай пошевелил бумажную куклу пальцем… и тут с ним случилось что-то

совсем непонятное. Он резко закашлялся, уронил на пол газету и ее содержимое, схватился за грудь. Лицо его посинело, кашель перешел в клекочущий хрип, он закачался, попытался вырваться из окружающей его равнодушной торопливой толпы. Спешащие по своим делам люди недовольно косились на странного человека: кажется, ему плохо? Больной – так сиди дома, не мешай занятым людям!

Человек в китайской куртке еще раз покачнулся и упал на колени. Он хрипел, задыхаясь, на губах у него выступила белесая пена. Толпа раздалась, обтекая его. Какая-то сердобольная женщина крикнула дежурной по станции, что мужчине плохо, и побежала дальше по своим делам. Через несколько минут в толпе, как ледокол среди крошащихся льдин, появился недовольный толстый милиционер: первое, что пришло в голову дежурной, – это что мужик просто выпил лишнего. Однако когда сержант пробился сквозь человеческое море к своему потенциальному клиенту, тот уже лежал на полу, не подавая признаков жизни. Рядом с ним валялась затоптанная газета и рассыпанная стопка нарезанной бумаги.

Теперь многие с любопытством смотрели на происходящее – как-никак событие, разнообразящее серое течение будней. Но один человек внимательно наблюдал за происходящим не из праздного любопытства. Он незаметно следил за мужчиной в китайской куртке с того самого момента, когда совершался обмен газетами на эскалаторе. Теперь же

он старался находиться неподалеку от места происшествия, чтобы не упустить ничего существенного, но и не попасться на глаза толстому милиционеру или какому-нибудь слишком наблюдательному пассажиру.

Сержант выпрямился и с тоскливым неудовольствием сказал дежурной:

– Умер. Теперь хлопот не оберешься. Труповозку вызывать, наверх его поднимать, акт составлять…

Заинтересованный наблюдатель, хорошо расслышав последнюю фразу, смешался с толпой и исчез.

Спустя полчаса он нашел работающий таксофон, набрал номер и, дождавшись ответа, ехидно произнес:

– Сюрприз! Вы думали, что так просто от меня отделались? Просто и дешево? Так вот теперь цена удваивается. Это вам наказание за скупость. Знаете ведь, как говорят? Скупой платит дважды. Кроме того, это будет расплата за убитого вами человека. И не думайте, что имеете дело с лохом. Факс спрятан в достаточно надежном месте. Процедуру обмена его на деньги я сообщу вам дополнительно. Чао!

Повесив трубку, он сел в подъехавший троллейбус, весьма довольный своей предусмотрительностью. Хорош бы он был, если бы сам пошел на встречу! Эти сволочи даже не собирались платить ему, решили, что дешевле убить… Пашка Топталов согласился за бутылку обменяться посылками – и в результате лежит сейчас на полу в метро… При этой мысли где-то глубоко в душе шевельнулась совесть, но очень быст-

ро затихла.

Выйдя из троллейбуса на своей остановке, он купил в круглосуточном магазине хлеба, колбасы и водки – надо же обмыть свое удачное избавление от смертельной опасности.

Открывая дверь своей квартиры, он заметил, что ключ туго поворачивается в замке, но не придал этому большого значения. Переобулся в прихожей, прошел на кухню, открыл дверцу холодильника…

И в это время за спиной у него раздался негромкий голос:

– Сюрприз!

Он резко обернулся. Позади него стоял мордатый парень с короткой бандитской стрижкой. Его поза и выражение лица олицетворяли собой полный крах всяких надежд на мирный исход переговоров. Второй человек, значительно старше и вальяжнее, сидел верхом на стуле и саркастически улыбался.

– Сюрприз! – повторил он и стер с лица улыбку. – Так что ты там говорил насчет обмена факса на деньги? Я тебя, козел мелкий, очень огорчу: никаких денег не будет. Ты отдашь нам факс совершенно даром и еще будешь ползать на коленях и умолять, чтобы мы его взяли. Скупой, говоришь, платит дважды? Ну-ну. А дурак? Не с лохом, говоришь, дело имеем? А кто же ты, как не лох? Самый натуральный лох. Мишаня, упакуй клиента.

Мордатый Мишаня легонько ткнул «клиента» в бок, лишив его всякого желания сопротивляться.

Пожилая женщина перехватила поудобнее две хозяйственные сумки и с трудом приоткрыла тяжелую дверь подъезда. Пожалуй, сегодня она зря набрала в магазине столько круп, да еще и муки пакет прихватила. Но с другой стороны, кто знает, когда еще выберешься в магазин? Вот сегодня с утра морозец легкий, и машина посыпала все дорожки песком, так что не скользко. А завтра может все растаять, сверху пойдет мокрый снег, и под ногами будет сплошная скользкая каша. Она не может ходить, когда скользко, потому что боится упасть и сломать шейку бедра. А это в ее возрасте подобно катастрофе – будешь лежать без движения, и ухаживать некому. Все-таки годы – вещь неприятная…

Размышляя так, пожилая дама медленно поднималась по лестнице. Дом был старый, без лифта, лестница не очень крутая, но зато ступенек множество – потолки-то в доме три с половиной метра! На площадке между вторым и третьим этажами старушка привычно остановилась передохнуть. Поставив сумки на широкий подоконник, она отвернулась к полукруглому окну, глядя на знакомый вид – магистраль Литейного проспекта. Сверху послышались спускающиеся быстрые шаги, старушка медленно повернула голову. Шаги были уже совсем рядом. На площадке показалась высокая девушка в белой короткой шубке. Старушка машинально отметила, что девушка незнакомая, что она, прожившая в этом подъезде без малого сорок лет, девушку эту видит первый раз в жизни. Но ничего удивительного – многие квартиры

поменяли хозяев, очевидно, и эта девушка из новых жильцов.

Девушка между тем, поравнявшись с пожилой женщиной, внезапно оттолкнула ее и схватила с подоконника сумки. Старушка опомнилась, когда похитительница была уже на пролет ниже.

– Паспорт! – слабеющим голосом пыталась кричать старушка.

Она прислонилась к подоконнику, потому что ноги ее не держали. Хлопнула дверь подъезда, и мелькнула внизу белая шубка. В глазах у пожилой женщины потемнело, она пошатнулась. Дрожащей рукой она нашарила в кармане сердечное лекарство, сунула таблетку под язык. Чуть полегчало. Убирая в карман тюбик с лекарством, она нащупала там же ключи от квартиры. Вот и славно, не нужно замки менять! Что там было в сумке? Кошелек, а в нем денег не так уж много – во-первых, потому что шла из магазина, а во-вторых, потому что вообще не носит с собой много денег, да и неоткуда у пенсионерки большим деньгам взяться.

Значит, кошелек, в нем квитанция об оплате за квартиру, рецепт на очки и еще паспорт… Вот это плохо, но грабительнице паспорт ни к чему, значит, его могут подбросить. Сказав себе, что все не так уж страшно, старая женщина собралась было подняться в квартиру, как вдруг открылась дверь на третьем этаже. Вышел молодой человек невысокого роста, провожаемый соседкой, тоже пожилой женщиной. Она

вгляделась в поднимающуюся старушку и ахнула:

– Александра Михайловна, голубушка, да на вас лица нет! Что-то случилось?

– Ох, милая, меня ограбили!

– Да где, когда?

– Вот только что, прямо на площадке, девчонка схватила сумки – и бежать.

– Вы подумайте! – воскликнула соседка. – Средь бела дня! Наркоманка небось какая-нибудь…

– Давно? – внезапно вмешался молодой человек.

– Минуты три…

– Как она выглядела?

– Такая… в белой шубке коротенькой… высокая… – Старушка на миг прикрыла глаза вспоминая, как мелькали на бегу ноги девушки. – Сапоги черные на каблуках.

– В какую сторону? – крикнул молодой человек уже на бегу.

– Направо по Литейному… да только куда же он, поздно уже… – Старушка беспомощно оглянулась на соседку.

– Андрюша, куда же ты? Не догонишь! – кричала та, перевесившись вниз.

Но ответила соседкам только хлопнувшая дверь подъезда.

Я вылетел из подъезда, чувствуя хороший спортивный азарт. Во-первых, жалко было старуху – небось живет на пенсию, а какая-то зараза отнимает последние деньги. Уж ей-то

небось легче заработать! В крайнем случае трахнулась бы с кем-нибудь за деньги, а уж старуха-то на панель точно пойти не может. Совесть нужно иметь, милая девушка!

Во-вторых, от меня не укрылось легкое пренебрежение в глазах пострадавшей старушенции – дескать, где ему догнать, такому мелкотравчатому… Вот интересное дело, какое отношение имеет мой рост к бегательным способностям? Несведущие люди думают, что быстрота бега зависит только от длины ног. Это не совсем так, вернее, совсем не так. Главное в нашем деле – это тренировка и правильное дыхание. Но я не собираюсь раскрывать посторонним свои секреты.

Направо по Литейному никого не было видно. Машины и общественный транспорт по проспекту не ходили – давно уже клали какое-то особенное дорожное покрытие, да не больно торопились, потому что в данный момент работы вообще никто не вел. Это было мне на руку, потому что передвигаться по Литейному можно было только пешком, так что девица не могла уехать от меня на троллейбусе.

Не подумайте, что я размышлял, стоя как дурак посреди проспекта. Напротив, мысли посещали меня на бегу. Если девица не свернула в какой-нибудь подъезд, то она должна быть впереди. Не снижая темпа, я взлетел на стоявший у края тротуара брошенный асфальтовый каток. Впереди стоявшая женщина отшатнулась, увидев меня на крыше – еще бы, только что парень был на земле, и вдруг – как по воздуху переместился на крышу катка. Это мои обычные шуточки,

ничего в них сложного нет, если уметь владеть своим телом, но люди этого не знают и потому удивляются.

Впереди мелькнула белая шубка. Лапочка как раз сворачивала направо в переулок – не идти же по всему Литейному пешком. Я кубарем скатился с крыши катка и ринулся дворами наперерез. Скоро мы встретимся, и я отучу девочку грабить беспомощных старушек! Потому что бабули и не представляют, как быстро я умею бегать…

Хороший темп, и дыхание совершенно не сбивается. Несколько проходных дворов – это для меня не расстояние, я бегаю километры. Я сделал спринтерский рывок и вылетел в переулок как раз за белой шубкой. В последний момент я успел затормозить, потому что в голову закрались кое-какие сомнения. Дело в том, что белая, по утверждению потерпевшей бабуси, шубка оказалась песцовой. И сама девица была просто шикарной – высокая, длинноногая, с пышной гривой пепельных волос. Стоп, кажется, я не туда попал! Потому что самого главного я не сказал: у девушки в руках не было никаких сумок, никаких авосек, даже маленькой дамской сумочки не было. Н-да-а, погнался за шубкой, да не за той. Потому что представить себе, что девушка в шубе ценой в три тысячи баксов станет грабить бедную старушку из-за того, что ей не хватает на дозу, – это выше моих сил.

Почувствовав мой взгляд, девица оглянулась. С лицом у нее тоже было все в порядке. Красивое лицо, глаза большие. Но я не стал пялиться, а поскорее отвернулся и вжал голову

в плечи. Мужчин моего роста такие красотки просто не замечают. Тем не менее я немного увеличил расстояние между собой и девушкой, потому что в переулке никого не было. Вряд ли она испугалась бы моего преследования, но на грубость спокойно можно нарваться. Очень не люблю, когда начинают прохаживаться насчет моего роста, что-нибудь вроде «метр с кепкой, а туда же…». И это самое мягкое выражение, бывают и похуже. Хотя я к женщинам на улице никогда не пристаю, не имею такой привычки.

Машинально идя за девушкой по переулку, я думал: как же я так прокололся? Однако все приметы совпадали: белая коротенькая шубка, черные сапожки на каблуках. Еще на девушке была черная короткая юбка, так что ноги были отлично видны. Отличные, длинные, хорошей формы ноги. Девушка шла свободным шагом – не частила, как многие дамы на высоких каблуках, не семенила, не переваливалась как утка. Знаю, что такая походка получается, если в детстве заниматься спортом – гимнастикой, например, либо же сейчас – шейпинг, аэробика и тренажеры…

Длинноножка вышагивала впереди меня вроде бы и не торопясь, но отмахала уже полпереулка. Вот что бывает, когда в ногах удачно сочетается длина бедра и голени, – и красиво, и ходить удобно!

Вижу, как вы все усмехаетесь, знаю, что ничего мне с такими не светит, но обожаю женщин с длинными ногами! Можете объяснять это как угодно – хоть по профессору Фрей-

ду, – мне все равно.

Можно идти за ней очень долго, но все равно я никогда не спрошу ее: «Ах, простите, девушка, а это не вы ли, случайно, вот только что увели две хозяйственные сумки и кошелек у пенсионерки?» Представляете, что она мне ответит? Я тоже представляю, поэтому и подходить не стану.

Стало быть, девица не та. Но куда же в таком случае делась та, что ограбила старушку? Не было в окрестностях никакой другой белой шубки. Сейчас середина марта, на улице морозец, но небольшой. Дамам надоело ходить в шубах, хочется чего-нибудь полегче, тем более что их меха за зиму все уже разглядели. Так что шубы на улице не часты. Конечно, на длинноножке шубка сидит отлично и очень ей идет, но, по моим наблюдениям, девицы в шикарных шубах пешком ходят редко, в основном передвигаются в дорогих автомобилях. А эта еще налегке, даже без сумочки… Что-то меня во всем этом беспокоило…

Как бы в ответ на мои невысказанные слова девица убыстрила шаг и подошла к припаркованной в конце переулка черной «ауди» последнего выпуска. Стекла в ней были тонированными, так что я не мог видеть, кто находится в салоне. Однако, несомненно, в машине кто-то сидел, потому что моя длинноножка открыла переднюю дверцу и села рядом с водителем. Одним прыжком я преодолел расстояние до машины и заглянул в переднее стекло. На месте водителя сидел мордатый такой мужик на вид постарше сорока. Девушка

что-то говорила ему взволнованно, а он недовольно оттопыривал толстые губы. Вот свинья – такая красотка к нему в машину села, а он даже дверцу ей не открыл! Все ясно: мордатый, хамоватый, но зато богатый, судя по автомобилю. Поэтому все красотки на нем виснут.

Настроение у меня испортилось. Машина тронулась, сам не знаю зачем, я запомнил номер – 1824 САС – и потащился обратно по переулку. Ни денег, ни сумок бабке я не нашел, длинноножка уехала от меня на шикарной иномарке – определенно у меня сегодня не самый удачный день! Да еще придется оправдываться перед Татьяной Васильевной и ее потерпевшей соседкой. Черт дернул меня сегодня зайти к Татьяне!

И не черт никакой, а собственная моя родная бабка, с которой я живу в одной квартире и которая мне вместо отца, матери и всех остальных родственников, вместе взятых. А Татьяна Васильевна приходится моей бабке самой что ни на есть ближайшей и старинной подругой, чуть ли не с первого класса они знакомы. А если подсчитать, что лет моей бабуле, а соответственно, и Татьяне Васильевне уже за семьдесят, то срок дружбы у них получается очень солидный. Зимой моя бабуля иногда прихварывает, но ни за что не хочет в этом признаваться, и все они норовят с Татьяной друг к другу в гости ездить. Для этого придумывают неотложные причины – книжками, там, обменяться либо же лекарство какое передать. И чтобы бабулю дома хоть немного подержать, прихо-

дится мне челноком работать. Вот и сегодня послала меня бабушка к Татьяне за какими-то кассетами по аутотренингу! Бабули-то наши продвинутые, обе с высшим образованием, привыкли головой работать, а нынче голова свободна, так они себе занятия разные придумывают.

Так я иду себе обратно по переулку не спеша, потому что торопиться теперь мне некуда, и вижу, что из урны, что на углу Литейного стоит, торчит черный ремешок и какой-то вонючий бомж уже к той урне подбирается и лапы свои корявые к ремешку тянет. Я встрепенулся, к урне подлетел. Ты что, кричу, с ума, мужик, сверзился? А если, говорю, в той сумке бомба заложена? Потому что разглядел уже, что ремешок торчит от сумки черной, большой – старухи ходят с такими. Тот бомж дернулся было назад, а потом, видно, решил рискнуть своей загубленной жизнью либо же сообразил, что я ему нарочно мозги компостирую, чтобы самому сумкой попользоваться. Дернул за ремешок и вытащил сумку! Гляжу – сумка и верно старушечья, клеенчатая такая, черная. Но целая, так что вполне может быть украдена у Татьяниной соседки. А бомж подождал секунду, видит – не взорвалось, тогда он на меня вызверился, остатки зубов оскалил, как волчара, и рычит. Слова человеческие от жадности забыл!

– Спокойно, дядя, – это я миролюбиво так говорю, – вещь не твоя, так что давай разойдемся по-хорошему.

Как он заговорил! Какие слова, оказывается, знает, какими эпитетами меня наградил! Уж лучше бы рычал, Цице-

рон хренов! И опять-таки насчет маленького роста прошелся. Ох, не люблю я этого! Почему, интересно, я должен отвечать за недостатки, которыми меня наградила природа и родители? Ну, с бомжа-то какой спрос, но вот когда нормальные люди оскорбляют, я этого очень не одобряю.

Так что я очень спокойно обошел бомжа сбоку и, преодолевая отвращение, нажал у него на шее одну точку. Сильно нажал, так что дядя замолчал на полуслове и прямо на асфальт сел. И смотрит так укоризненно, что мне даже жалко его стало. Посмотрел я в сумку. А там – пакет молока, масло – продукты, в общем. Так и есть – та самая сумка, бабкина. Конечно, ни денег, ни документов там нету. Это, стало быть, девица ее по дороге в урну сунула, больше некому. А я, дурак, ее отпустил. Но уж больно странно все…

Бомж между тем смотрел на меня просто со слезами на глазах, но сказать ничего не мог.

– Не горюй, дядя, – говорю, – денег в той сумке все равно нету. А вот возьми-ка лучше вместо компенсации. На водку не хватит, а пивка выпьешь. – Прилепил ему десятку на лоб и пошел себе.

Прихожу к Татьяне Васильевне, а там полный бомонд. И соседка ограбленная у нее сидит, и еще дочка ее пришла, Надежда Николаевна. Так и так, говорю теткам, девицу не догнал, но сумку нашел. Старушка как глянула на сумку, так прослезилась даже. Рецепты у нее там какие-то в кармашке сохранились, продукты, сумка сама, а что паспорт пропал,

так ей, говорит, паспорт без надобности, пенсию на дом приносят. И денег в кошельке мало было. А вторую авоську ей Надежда Николаевна принесла – девчонка ее прямо во дворе кинула. Хотел было я спросить, что если паспорт старухе без надобности, то зачем она его в сумке таскает, но решил лишний раз пожилого человека не расстраивать. А вместо этого осторожненько так расспросил старушку про девицу – какая на ней была шуба да какая сама девица. И выходило, что девица-то была та самая – старушка точно описала ее внешний вид и волосы. Значит, она ограбила бабку, а потом села к своему хахалю в «ауди». Чудны дела твои, Господи! Эта так моя бабуля выражается.

У меня в голове всплыл номер машины. Можно попробовать выяснить, кто ее хозяин, а там и на девушку выйти. А можно и ничего не делать, раз потерпевшая старушка не в претензии. Конечно, в милицию-то она заявит, но что толку. А возможно, паспорт ей подбросят. Да, но тогда совершенно непонятно, кому понадобился кошелек бедной старушки, в котором и денег-то почти не было.

Мысли мои прервались, потому что я перехватил очень внимательный взгляд Татьяниной дочки Надежды Николаевны. А это, скажу я вам, такая тетка, что ежели начинает она на кого-то пристально смотреть, то, значит, ей интересно, а если ей интересно, то вцепится как бульдог и начнет расспрашивать, пока все досконально не выяснит. Перехватив ее пристальный взгляд, я заторопился домой, потому что

сразу понял, что не моя скромная персона заинтересовала настырную тетку, а кое-что другое. Внимательно прослушав описание девицы, она небось сразу сообразила, что не может человек в таком прикиде старушек грабить, и необычайно заинтересовалась такой странностью. Про Надежду Николаевну моя бабушка рассказывала, что страсть как она любит всякие криминальные загадки разгадывать и больших успехов в этом деле достигла. Дескать, хоть и немолодая уже женщина, к пятидесяти ей, но хлебом не корми – дай вмешаться в какую-нибудь криминальную историю. И лезет она в эти истории по принципу «Найдет свинья грязи».

Не подумайте, что бабуля моя за это Надежду осуждала. Напротив, они с Татьяной всегда чрезвычайно Надеждиными историями интересовались и с увлечением слушали ее рассказы. Надежда живет с мужем отдельно от матери, и вот муж очень не одобряет ее криминальных увлечений. Поэтому Надежда Николаевна ему ничего не рассказывает, а поскольку поделиться хочется, то она живописует все своей матери и моей бабуле.

Я тихонько проскользнул в прихожую, но не тут-то было.

– Эй, Андриан, постой-ка! – Это Надежда протиснулась за мной.

Вот и еще один момент, омрачивший мое счастливое детство: мало им было маленького роста, так еще Андрианом назвали! Ну назвали бы мальчика Андреем – скромно и прилично. Так нет, понадобилось им выпендриться! Что в

школьные годы перенес – страшно вспомнить. Каких только кликух не приклеивали! «Андриашка – с заду деревяшка» – это еще самое приличное. Как только себя осознал, так стал я маман свою спрашивать: что я ей при рождении плохого сделал, за что она мне такую подлянку подкинула?

Забыл сказать, что хоть я и живу с бабулей своей дорогой, но, однако, меня все же не в капусте нашли и папаша с мамашей в моем появлении на свет небольшое участие приняли. Вот маман передо мной все оправдывалась, что назвали меня Андрианом в честь дедушки, папиного папы. И какое, спрашивается, имеет ко мне отношение тот дедушка, если я и папашу-то своего родного ни разу не видел, потому что через полгода после моего рождения родители развелись и он отбыл в неизвестном направлении?

Вот как можно, не подумавши, человеку жизнь испортить, да не кому-нибудь, а своему родному сыну.

Ну, однако, то все дело прошлое, школьные годы чудесные давно забылись как страшный сон. Семь лет прошло, как выпускной вечер отгуляли, но каждый год встречаемся, и до сих пор некоторые балбесы вспоминают, как пытались мной в восьмом классе в волейбол поиграть. В последующих классах это у них уже не получалось, потому что я хоть росту и не прибавил, но стал много спортом заниматься, карате освоил. Так что очень даже за себя постоять могу. А начались мои спортивные занятия еще лет в десять, когда маман привела меня в спортивную школу на плавание. Только она, как

всегда, все перепутала и опоздала, так что запись в бассейн уже закончилась. И совершенно случайно заметил меня тренер по акробатике и позвал в группу. Маман меня отдавать туда не хотела – непрестижно, она, дескать, мечтала, что ее ребенок будет заниматься плаванием и теннисом, это, мол, респектабельно. Маман очень любит такие слова, она как-то особенно их произносит – растягивая гласные и закатывая глаза к потолку. Но тренер настаивал, он сказал, что я очень гибкий ребенок, просто-таки гуттаперчевый мальчик. Назло маман я согласился, научился ходить колесом, кувыркаться в воздухе и лазать по стенам, за что и получил в школе дополнительную кличку Макака.

Мое воспитание маман совмещала с усиленными поисками личного счастья, то есть искала мужа. Как уж там проходил этот процесс, я по молодости лет не вникал, но бабуля что-то такое болтала. Я понимаю, дело это, конечно, сложное – мужа найти, вопрос долговременный. Но маман проявила в этом деле настойчивость и упорство, совершенно ей в других делах несвойственные. И усилия ее увенчались успехом, нашла она себе спутника жизни. Какого-то типа из органов. Сейчас он работает в ФСБ и сделал там карьеру. Я точно не знаю, потому что стараюсь с ним поменьше видеться, и это неплохо у меня получается – кажется, год уже не встречались.

В первый раз мы с ним встретились лет десять назад, когда маман привела своего будущего мужа к нам с бабулей

знакомиться. И как-то сразу мы с ним друг друга не полюбили. Вот хоть ты тресни, не понравились друг другу, и все! Бывает так – смотришь на человека, вроде ничего он тебе плохого не сделал – а тебя от него прямо трясет. В данном случае так и у нас с мамашиным мужем случилось. Маман у нас женщина ненаблюдательная, но тут до нее тоже все сразу дошло. Так что она не настаивала на семейных обедах по воскресеньям и совместных поездках в отпуск.

И только не говорите мне про то, что я, единственный сын, просто ревную свою мать к новому мужу, про эдипов комплекс и все такое прочее! Да Боже ж мой, я всегда относился к маман спокойно и ничего не имел против. Просто именно этот человек вызывает у меня необъяснимое отвращение. Но хватит об этом, вряд ли кого-то волнуют мои семейные дела.

Значит, Надежда Николаевна вцепилась мне в рукав, смотрит прямо в душу и говорит так ехидно:

– Что-то мне не верится, что ты, который так замечательно бегает, не смог догнать женщину на высоких каблуках.

– У нее фора была большая. – Это я так отвечаю, а сам глаза против воли отвожу.

– Андриан, не морочь мне голову! – рассердилась Надежда. – Говори быстро, видел девчонку?

– Ну видел, – говорю, – иначе откуда сумку бы знал, где искать? А что не подошел, так…

– Сама знаю – удивился, да и послала бы она тебя, еще и в милицию сдала. Ну ладно, будем считать, что инцидент

исчерпан.

Но я-то видел, что в глазах Надежды Николаевны появилась некоторая задумчивость и блеснул тот самый интерес, за который ее ругает муж.

А если бы она еще знала, в какую шикарную тачку села та девица! Но про тачку я промолчал, оставил пока при себе. Я отправился домой, а по дороге позвонил одному типу, у которого сестрин хахаль работает в ГИБДД, и он быстренько выяснил по моей просьбе, кому принадлежит новая «ауди» за номером таким-то. Машина оказалась зарегистрирована на фирму «Поллукс», и директора звали Колыванов Арсений Павлович.

Прихожу я домой, а там бабуле уже и рассказывать ничего не надо: она полностью в курсе всех новостей – от Татьяны Васильевны по телефону успела информацию получить. Оперативно старушки работают!

Следующие три дня я был занят делами и выбросил все предыдущие события из головы. Работаю я дома на компьютере, то есть выуживаю из Интернета для разных фирм кое-какую информацию, иногда перевожу и кое-что пристраиваю в газеты и журналы. Мне такая работа нравится – никакого над тобой начальства, рабочий день могу планировать, как хочу. Денег нам с бабулей хватает – я человек в быту нетребовательный. Но маман не устает повторять, что мужчина должен ходить на настоящую работу, что мой образ

жизни несерьезен, деятельность сомнительна, а источники доходов нестабильны. Муж ее вообще считает меня неудачником, но вот уж на это мне глубоко плевать.

Значит, я закрутился с работой и только вечером, по прошествии трех дней, позвонила Надежда Николаевна и сообщила удивительные вещи.

Оказывается, та ограбленная бабка Александра Михайловна по наущению своей соседки Татьяны Васильевны решилась заявить в милицию. Старухи руководствовались здравой мыслью, что украденный паспорт могут использовать в незаконных целях, а потом придется отвечать. Сначала они хотели просто пойти в отделение и заявить, что пропал паспорт. Но дежурный попался любопытный и стал выспрашивать подробности. И вот, когда дело дошло до девушки в белой шубке, дежурный вдруг как-то странно не то ахнул, не то произнес что-то нечленораздельное, но забористое. Увидев, как сконфузились приличные старушки, дежурный даже покраснел и извинился. Затем он позвонил куда-то, а бабкам велел обождать. Те нисколько не испугались, а уселись в уголке и принялись терпеливо ждать. Наконец пришел какой-то человек, капитан, как авторитетно заявила Татьяна Васильевна, и провел их в кабинет. И там он подробно расспросил их про все, случившееся три дня назад. Бабки решили не запираться, чтобы не затруднять работу следствия, и рассказали все честно: про девушку в белой песцовой шубке, про ограбление, про то, как я побежал за

девушкой и вернул сумку, и про Надежду Николаевну, подоспевшую к шапочному разбору.

– И что было дальше? – не выдержал я. – Пока что я ничего интересного в вашем рассказе не слышу.

– А ты слушай, – с излишним, на мой взгляд, энтузиазмом ответила Надежда Николаевна, – потому что сейчас самое интересное и начнется. Значит, выслушал их капитан, а потом достает из ящика стола фотографии и просит бабушек по всем правилам опознать фото. То есть моя-то мать никого не видела, ей и опознавать нечего. А та, вторая, глядит на фото и безошибочно опознает девушку. Шуба та же, прическа, сапожки…

– Ну и что? – невежливо заорал я, потому что почувствовал неладное.

– А то, – злорадно ответила Надежда, – что девица на снимке – мертвая. И капитан подтверждает, что да, девушку эту нашли в подъезде собственного дома вечером того же дня, когда она нашу бабулю ограбила. И что если бы дежурный не стал бабок расспрашивать, то ничего бы они не узнали и не сопоставили. Так что молодец дежурный, благодарность ему в приказе будет. А ты готовься, повестка тебе скоро придет, к следователю, потому что бабули-то нас заложили.

– Ну, спасибо, – вздохнул я, – значит, я ее догонял, последний видел, я, стало быть, у нее бабкину сумку отнял, а ее саму порешил.

– Ага, кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет, – поддакнула Надежда Николаевна.

– Издеваетесь! – вскипел я.

– Да нет, что же я, не понимаю, что одно дело – это когда бабули придут, с них спроса никакого, а другое – ты, молодой человек, к тебе милиция запросто привязаться может. Так что давай-ка, Андриан, встретимся и все обсудим. По телефону нехорошо про такие дела говорить.

– Придется. – Я очень расстроился, потому что услышал щелчок трубки параллельного аппарата, а это значит, что бабуля слышала весь разговор. Она у меня хоть и любопытна не в меру, но никогда не подслушивает, но тут ведь звонила не девушка и не приятель, а Надежда Николаевна, и бабуля посчитала, что вреда не будет, если она послушает. Теперь она начнет волноваться, потому что от милиции-то ведь никто ничего хорошего не ждет.

Повестка мне пришла на следующий день, я сумел ее перехватить, но бабуля что-то почувствовала и все утро смотрела на меня испуганными глазами. У нее больное сердце, и волноваться ей совершенно нельзя, поэтому я явился к следователю страшно злой и расстроенный.

Следователем оказалась женщина – тоже такая немолодая тетка, солидного вида, в очках. Везет мне в последнее время на немолодых теток!

Держалась тетка очень сурово, и фамилия у нее была со-

ответствующая: Громова. Первым делом она выложила передо мной фотографии. Очевидно, у нее такой был метод ведения допроса – сначала поразить допрашиваемого видом покойника на фото, а уж потом выуживать сведения. Однако на меня фотографии особенного впечатления не произвели – я ведь уже был в курсе насчет убийства. Девушка лежала на грязном полу подъезда и даже в такой позе была красива. Очень жалко стало длинноножку, но я не показал виду и спокойно изложил следователю, как было дело, стараясь не отступать от правды: как я заметил девушку издали, а когда свернул в переулок, то никого уже там не застал, только случайно заметил торчащую из урны сумку. Про бомжа тоже рассказал, для живописности и правдоподобия.

Следователь сняла очки и уставилась мне прямо в душу. Глазки у нее под очками оказались маленькими и какими-то пронзительными. Она долго и пристально изучала меня, как инфузорию под микроскопом. Я в это время усиленно делал глуповатое выражение лица, на стуле сидел скорчившись и даже выставлял вперед левое плечо. За счет гибкости я могу показаться несведущим людям совершенным уродом. Так получилось и в этот раз. Следователь оглядела меня внимательно и пришла к выводу, что такой недоделок, как я, естественно, не мог догнать девушку и тем более проследить ее до дома и убить. Увидев, что она совершенно успокоилась на мой счет, я рискнул задать некоторые вопросы. Я уже знал от бабушек, что девицу убили в собственном подъезде вечером

того же дня, когда она отняла у старухи сумки.

– А скажите… ее, эту девушку, тоже ограбили? – проблеял я.

Следователь посмотрела на меня подозрительно, но ответила, что нет, в том-то и странность, что девушку не ограбили – сумочка с деньгами и документами лежала рядом с трупом. Меня это удивило, но я ничего не сказал.

– Девушку просто ткнули остро заточенной отверткой в спину, попали в сердце, она умерла на месте, – продолжала следователь. – Очевидно, кто-то спугнул грабителя, и он убежал.

Я поник головой и дрожащей рукой вытащил из кармана носовой платок.

– Ужас какой! – пролепетал я.

Следователь Громова посмотрела на меня с легким презрением и молча подписала пропуск.

Надежда Николаевна ждала меня в скверике напротив. Она была у Громовой передо мной, так что решила задержаться, чтобы обсудить все прямо на месте.

– Видел снимки?

– Ну видел, – неохотно подтвердил я.

– Жалко девушку?

– Ну жалко.

– Тогда рассказывай, что ты от меня утаиваешь, – решительно приступила ко мне настырная тетка.

Ох, достали они меня!

– Ничего я от вас не утаиваю. Девчонку видел, но к ней не подходил.

– И куда она делась потом?

– Да откуда я знаю! Ну, в машину села…

– Какую машину? – Надежда прямо взвилась. – Какой марки, номер запомнил?

– Машина – новая «ауди», а номер не разглядел, – злорадно ответил я, уж очень они мне все надоели.

– Жаль… – разочарованно протянула Надежда. – Значит, машина дорогая, а она старушек грабит… Все сходится!

– Что сходится? – удивился я.

– Вот ты, наверное, не обратил внимания, для чего ограбленная бабуля таскала с собой паспорт? Зачем ей документы в продуктовом магазине?

На такой факт я в свое время внимание обратил, но сейчас промолчал.

– Ты не обратил, а я обратила, – самодовольно продолжала Надежда. – И вытрясла из материной соседки информацию. Паспорт ей был нужен для того, чтобы получить на почте письмо до востребования.

– Да ну? И какое же письмо?

– Письмо от племянника, то есть не от племянника, а племяннику. Вот звонит ей некоторое время назад племянник и говорит, что на ее имя придет до востребования письмо, чтобы она похаживала на почту и спрашивала – ей, мол, неслож-

но, потому что почта находится рядом с магазином, а в магазин эти бабки все равно каждый день таскаются, даже если ничего не нужно, прогулка у них такая. Вот бабуля и стала на почту с паспортом ходить. И как только письмо на почте ей выдали, тут же его девчонка и отобрала. За что и поплатилась, – закончила Надежда Николаевна, – очень грустная получается история. И загадочная. Ты почему не сказал следователю, что девушка в машину села?

– А она бы мне не поверила, посчитала бы, что я все придумываю. А если бы я номер сообщил, то точно бы привязалась – зачем я его запомнил? Да не связан ли я как-то с той девушкой?

– Это ты правильно поступил, потому что следователь эта, Громова… знаю я эту женщину, ей только попадись, – задумчиво проговорила Надежда.

– Встречались уже с Громовой? По мокрому делу проходили? – съехидничал я.

– Ты мне зубы не заговаривай! – рассердилась Надежда Николаевна. – Ты, выходит, номер той машины знаешь? А ну, говори быстро!

Я сказал и еще сказал, что выяснил уже, что машина принадлежит фирме «Поллукс» и фамилию директора я знаю – очевидно, это тот самый тип, водитель «ауди».

– А в общем, это ничего нам не дает, – вздохнула Надежда. – Ну, села она к нему в машину; судя по твоим наблюдениям, они были хорошо знакомы. Ну и что, стал бы он ее так

убивать? В собственном подъезде, шилом в спину… несолидно как-то для директора крупной фирмы. И потом, скажешь ты про это Громовой, она, допустим, вызовет этого директора к себе. А он ото всего отопрется! Не видел, мол, не знаю, в этот день вообще в другом месте был. И будет твое слово против его, так что неизвестно, кому еще Громова поверит!

– Вот поэтому я ничего следователю и не сказал, потому что себе дороже потом обойдется!

– Неглупый ты парень, Андриан, даром что… – Она прикусила язык.

– Даром что ростом не вышел? – вскипел я.

– Уж очень ты обидчивый, – недовольно протянула Надежда Николаевна, – прямо слова не скажи.

– Как там, бабке ограбленной паспорт не подбросили? – Я решил сменить тему.

– Ох, трудно с этими старухами! – вздохнула Надежда. – Ты представляешь, вроде бы вполне разумная была женщина, соседка-то. А теперь, после того, как сумки отняли, у нее какие-то явления начались. Жаловалась матери, что вот приходит она в собственную квартиру – а там все не так.

– Это нервное, переволновалась бабка, вот и мерещится.

– Мать ей то же самое твердит, а та утверждает, что точно помнила, как вещи клала, а теперь, мол, все переложено.

– Пропало что-нибудь у нее? – на всякий случай спросил я.

– В том-то и дело, что ничего не пропало! Деньги какие-то маленькие в целости и сохранности, два колечка там, брошечка – все на месте. Но книжки, говорит, не так стояли, еще какие-то рецепты перерыты.

– Да бросьте вы, Надежда Николаевна! Уж нам ли с вами не знать, какие старушки мнительные да забывчивые! А ни за что ведь не признаются, что память уже не та. Эта, Александра Михайловна, одинокая, никто ее не навещает, трудно одной. А как же племянник, чье письмо-то? – вдруг вспомнил я. – Он в курсе, что письмо его украли?

– А он, понимаешь, пропал. Не звонил с тех пор тетке и сам на звонки не отвечает. Сначала она не очень волновалась, потому что за ним такое водится – мужчина молодой, едва за тридцать, с женой развелся, живет отдельно. И тетку-то он, конечно, не больно привечал. Но позванивал, а тут – пропал. И она, Александра Михайловна, даже ездила к нему на квартиру, думала, что телефон сломан. А соседи сказали, что не видели его с того самого дня, когда он последний раз тетке звонил насчет письма.

Я внимательно посмотрел на Надежду Николаевну. Ясное дело, она все это осторожно выудила из ограбленной бабки неспроста. Очень ее заинтересовало пропавшее письмо. А теперь еще и племянник пропал. И девушку убили…

– Она совершенно не представляет, что могло быть в письме?

– Абсолютно, – отвернулась Надежда.

– Да, думаю, что эта история со временем забудется, – поднялся я со скамейки. – Бабуля выживет, и паспорт новый ей выдадут.

– Твоя правда, – со вздохом согласилась Надежда, – наши старухи крепкие. Мы вообще до их лет не доживем!

– Да мне столько и не надо!

– Это ты сейчас так говоришь, потому что молодой, – наставительно начала Надежда Николаевна, – а потом ой как подольше пожить захочется! Тебе сейчас сколько?

– Ну, двадцать четыре скоро.

– Мальчишка! – поддразнила она.

В этот раз я не обиделся и пошел домой, раздумывая, как бы успокоить бабулю, что в милиции со мной ничего не случилось.

Однако она ничего не спрашивала и вела себя как-то странно, только я не сразу это заметил. За обедом она поглядывала на меня украдкой, отводя глаза, как только я встречался с ней взглядом. Подавая тарелку с супом (бабуля настаивала, что раз она готовит, то она должна и подавать, чтобы я не шарил по кастрюлям), она так усиленно смотрела в сторону, что чуть не пролила суп.

Я был занят своими мыслями, но в конце концов до меня дошло, что с бабулей что-то не так.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я. – Голова не болит?

– Не-ет… – протянула она.

– Тогда что случилось?

– Ничего не случилось. Мама звонила, – выговорила она со вздохом.

– И что? Ты ей сказала…

– Я ей сказала, что у тебя неприятности.

– С чего ты взяла, что у меня неприятности? – фальшиво удивился я.

– А где ты был все утро? – Бабуля повысила голос. – Можешь не врать, я знаю, что тебя вызывали в милицию.

– Ну и что с того? Вызывали как свидетеля.

– В общем, я все рассказала матери. Она имеет право знать, что происходит с ее сыном, – высокопарно высказалась бабуля.

Вот это удружила! Ведь тысячу раз просил ее ничего матери не говорить о моих делах. Потому что мать все разбалтывает своему мужу, хотя знает, что его совершенно не интересует то, что касается нас с бабулей. Но не может человек ничего в себе удержать! Эх, бабуля, какой же ты козырь дала им против меня! И так маман пилит при каждой встрече, чтобы устраивался на приличную работу, и даже предлагала обратиться по этому поводу к своему фээсбэшнику. Но я тогда так на нее посмотрел, что даже до маман все дошло, и она вопрос этот больше не поднимала.

– Зря ты это, – только и сказал я, нельзя же бабулю волновать, она и так в последнее время часто на сердце жалуется.

Старший следователь прокуратуры Анна Николаевна

Громова была женщиной думающей. Работала она по своей специальности много лет и работу свою не то чтобы любила, но относилась к ней с большой ответственностью. Была она очень неглупа и внимательна, а также в процессе трудовой деятельности приобрела огромный опыт и знание человеческой природы. И это знание подсказывало ей, что с молодым человеком, который недавно побывал в ее кабинете, с Андрианом Журавлевым, не все так просто. Внимательно за ним наблюдая, следователь Громова вроде бы не заметила в его поведении ничего особенного, но интуиция подсказывала ей, что молодой человек чего-то недоговаривает. Возможно, он делал это неумышленно, но следователь Анна Николаевна Громова свои сомнения толковала всегда не в пользу обвиняемого, такая уж у нее сформировалась позиция.

Справедливости ради следует признать, что сомнения эти были личного плана, Анна Николаевна никому о них не рассказывала и даже не доверяла их бумаге. И если ее позиция оказывалась ошибочной, она признавала такой факт без колебаний. Это было сделать нетрудно, потому что никому, кроме себя, не приходилось признаваться в своей ошибке.

В случае с Андрианом Журавлевым Громову несколько насторожила некоторая нарочитость в его поведении. Молодой человек был невысок ростом и неказист, причем эту свою неказистость он усиленно подчеркивал, находясь в кабинете следователя.

Общеизвестно, что мужчины маленького роста испыты-

вают всевозможные комплексы. Громова очень внимательно расспросила потерпевшую старушку и выяснила, что Журавлев сам вызвался догнать девушку, никто его об этом не просил, даже отговаривали. То есть он убежал с твердым намерением догнать девушку и отобрать у нее сумки… На что он, интересно, рассчитывал? На то, что старуху ограбила доходяга-наркоманка… Допустим. Допустим также, что девушку он не видел, но сумел отобрать у бомжа сумку.

По просьбе Громовой оперативники нашли того самого бомжа. Он проводил время в окрестностях Литейного проспекта – либо возле магазина, либо у теплой стены старой котельной. Журавлев очень хорошо описал бомжа, найти его оказалось проще простого. Дядька был запущенный донельзя, отвратительный и грязный, но не полностью отощавший, а напротив, здорово озверевший. И чтобы отобрать у него законную добычу, требовалось приложить немалые усилия.

Сомнения следователя Громовой возросли, и она распорядилась послать кого-нибудь поприличнее к Журавлеву домой и осторожненько так побеседовать там с его домашними на предмет выяснения обстановки.

На следующий день, дождавшись, когда Андриан Журавлев удалится из дома, молодой мужчина располагающей наружности позвонил в дверь его квартиры. Дверь открыла, на цепочку, правда, маленькая сухонькая старушка, оказавшаяся бабушкой подозреваемого. Увидев милицейское удо-

стоверение, она очень испугалась, так что оперу пришлось долго ее успокаивать. Он сказал бабушке, что пришел выяснить у ее внука кое-какие пустяковые вопросы и попросил разрешения его подождать. Старушка согласилась и, с готовностью отвечая на умело поставленные вопросы, поведала товарищу из милиции, какой замечательный у нее внук, как он заботится о ней, помогает по хозяйству. И хоть человек он молодой, но серьезный – не бегает по дискотекам и барам, Боже упаси, не водит в квартиру сомнительных девиц. Да он вообще не пьет и не курит, потому что много занимается спортом.

Опер сделал вид, что удивился – такой, мол, неказистый с виду, каким же спортом он занимается?

Что вы, обиделась бабушка, не смотрите, что он росту невысокого. Он, Андрюшенька, очень сильный и ловкий, с детства занимался акробатикой, во всесоюзных соревнованиях участвовал, правда, для юниоров. А потом занялся бегом и карате. Бегает очень быстро и выносливый, каждое утро километров по десять пробегает. И еще ходит куда-то в зал тренироваться, а летом на даче…

– Неужели кирпичи разрубает? – усмехнулся опер.

– Нет, не кирпичи, а что досочку вот такой толщины, так я сама видела. – Бабуля поджала губы.

– Не может быть!

И бабушка, чтобы поддержать реноме любимого внука, показала оперу и наградные кубки, и фотографии, и даже

спрятанную в шкафу нунчаку – две безобидные с виду палочки, пользуясь которыми опытный мастер может запросто убить своего противника.

Ого! – насторожился опер и, позвонив прямо из этой квартиры, негромко произнес в трубку несколько слов, после чего удалился, сердечно распрощавшись с бабушкой и вежливо отказавшись от чая.

Они взяли меня прямо на улице возле дома. Времени было не много – около семи вечера. Я шел от метро к дому, задумался, расслабился и опомнился, только когда двое жлобов возникли рядом и схватили меня под руки.

– В чем дело, ребята? – миролюбиво спросил я.

– Милиция! – гаркнул один мне прямо в ухо. – Уголовный розыск!

Здорово они были похожи на ментов из сериала – такие же куртки и шапочки, и морды тоже такие же. Судя по всему, они и являлись самыми настоящими ментами – хотя на братков тоже смахивали немножко. Но с братками у меня никаких неприятностей быть не могло – я человек тихий, спокойный, работа у меня не пыльная, дорогу никому не перебегаю. А вот с милицией, похоже, начались заморочки.

– Придется поехать с нами, – издевательски растягивая слова, начал тот мент, что стоял справа, – если ты не против, конечно.

– Я конечно, против, – в тон ему ответил я, – но вам ведь

мое «против» по барабану.

Второй мент, тот что слева, в это время ловко обшарил мои карманы, но не нашел там ничего особенного. Он достал мой паспорт, но даже не стал его смотреть, а просто спрятал в карман, из чего я сделал вывод, что менты ждали именно меня, а не просто налетели на случайного человека.

– Не вздумай чего выкинуть! – предупредил меня левый мент.

Они были так похожи, что казались братьями. В машине, зажатый с двух сторон на заднем сиденье, я задумался.

С чего это они ко мне прицепились? Если у следователя Громовой возникли какие-то вопросы, то вызвала бы повесткой. А то послала аж троих, с машиной. Что за срочность такая?

– Вы вообще-то по какому вопросу? – вежливо спросил я.

– Заткнись, гнида. – Правый мент ткнул меня локтем в бок, и, хоть было не больно, я насторожился. Что же они задумали?

Меня привезли совсем не в то место, куда вызывала следователь, втолкнули в небольшую душную комнатенку. У Громовой кабинетик-то попросторнее будет! И мебель поприличнее. А эти, видно, еще не дослужились. В комнате стояли два обшарпанных стола. Стул, на который толкнул меня правый мент, подозрительно шатался даже подо мной, а на линолеуме прямо посредине комнаты зияла здоровенная дыра.

Менты сняли куртки и шапочки и стали меньше похожи,

однако для удобства я решил так и называть их про себя – правым и левым. Потом они переглянулись, и один вышел. Со мной остался мент правый, тот, что помордатее и понаглее. Рожа у него была гладкая, маленькие глазки смотрели на меня вроде бы даже приветливо. Он сел за стол напротив меня, достал из ящика лист бумаги и ручку. Потом повертел в руках мой паспорт и подвинул по столу пачку сигарет.

– Закуривай, Андриаша. Не куришь, нет?

Я помотал головой.

– Это хорошо, – задушевно продолжал мент, – это для здоровья полезно. Тогда перейдем прямо к делу. Значит, ты нам сейчас быстренько и подробненько рассказываешь, как ты убил девушку.

– Какую девушку? – От неожиданности я вытаращил глаза на правого.

– Ковалеву Марианну Владимировну, одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения, русскую, проживает на улице Марата, дом пять, квартира восемнадцать, – зачитал мент из блокнота.

– С чего это мне было ее убивать? Я ее и в глаза-то не видел никогда, только со спины.

– Врешь, Андриаша, – ласково гнул свою линию мент, – ты ее преследовал…

– Ничего я ее не преследовал!

– Молчать! – гаркнул он и хлопнул кулаком по столу. – Молчи, гнида, и слушай, что я говорить буду. Ты за девуш-

кой побежал? Побежал. И не впаривай мне тут, что не сумел догнать. Чтобы ты, чемпион, не мог бабу на высоких каблуках догнать!

– А может, она на машине уехала! – сгоряча ляпнул я.

– Не уехала она на машине. – Теперь правый мент был спокоен. – Не уехала, потому что машины там не ходят, ремонт там, на Литейном, ты и сам про это знаешь. Значит, догнал ты ее, поговорил с ней – так, мол, и так. Она тебя и послала – еще бы, девка красивая, видная, а ты сморчок, лезешь к ней с какими-то сумками. Ты затаил на нее злобу в сердце, а после подкараулил в подъезде и отомстил. Ты ведь только придуриваешься, что такой маленький да слабенький, а сам вон какой спортсмен! В доме одни награды да кубки.

Так, значит, они уже дома побывали, и бабуля им все рассказала и показала. Ох и трудно с ней!

Я взглянул на часы. Стрелки бежали к девяти. Утром, когда уходил, я сказал бабуле, что приду к обеду, часам к пяти. И так задержался, а тут еще менты привязались. Бабуля уже понемногу впадает в панику. Она никак не может примириться с тем, что я уже давно взрослый и могу за себя постоять. В ее глазах я все тот же маленький Андрюшенька, которого каждый может обидеть. Поэтому, когда я опаздываю, она начинает воображать себе разные страхи – например, что меня сбила машина или подошла, допустим, целая компания, избила и бросила умирать на снегу. Никак ей не

втолковать, что с моей реакцией от машины легко увернуться, а с компанией из трех-четырех человек я могу справиться, если только они не десантники из группы «Альфа».

Но бабуля этому не верит и боится за меня, а от страха ей всегда становится плохо с сердцем. Поэтому я не воспитываю ее, а стараюсь не опаздывать и обязательно звоню, если задерживаюсь. Нужно беречь бабулю, ведь у меня больше никого нет.

– Ну, что скажешь, Андриан? – напомнил о себе правый мент.

– Фигня все это, – высказался я решительно. – Хотите дело пришить? Не выйдет. Девушку убили когда? Вечером. Я в это время дома был. Вернулся тогда, отдал соседке сумку и домой пошел. И до самой ночи так дома и находился, бабушка может подтвердить.

– Ну, твоя бабуля, божий одуванчик, конечно, подтвердит, но ей верить-то не очень можно. Она проспать да и забыть могла все на свете. Головы-то у старух не больно соображают.

Я хотел ответить, что голова у моей бабули соображает лучше, чем у этого козла, но промолчал.

– Позвонить дайте! – попросил я. – Она волнуется, что меня нет.

– Обойдешься! – отмахнулся мент и вышел, заперев дверь снаружи на ключ.

Я огляделся с тоской. Комната находилась на первом эта-

же, но на окнах стояли решетки. Да и куда я побегу? Чтобы они меня сразу же обратно привезли? Да еще уверятся: раз побежал, значит, виноват. Я прислушался: за стенкой раздавались голоса.

Потолки в комнате были невысокие – метра два с половиной, в углу, под потолком, находилось вентиляционное отверстие, под которым стоял шкаф для бумаг, такой же обшарпанный, как и столы. Я подошел к шкафу. Наверху лежал толстый слой пыли и валялись две пустые бутылки из-под водки. Я влез на шкаф так аккуратно, что бутылки даже не качнулись, и приник ухом к решетке.

– Ерунда все это, дохлый номер, – рассудительно говорил левый мент, он сразу же произвел на меня более серьезное впечатление. – Пустышку мы, Виктор, тянем. Ну что ты ему предъявишь? Нет же у нас на него ничего.

– А чего он тогда у Громовой идиотом прикидывался?

– Мало ли кто где идиотом прикидывается! У нас половина народа прикидывается, а другой половине и прикидываться не надо – и так всем ясно, что идиоты. К тому же, возможно, бабка ограбленная путает и девушка вообще не та. Нужно было ей нищую старуху грабить! А тогда этот козел малорослый вообще получается ни пришей ни пристегни! Отдали бы его Громовой, уже давно бы дома были. А ты – расколем, расколем! Чистосердечного признания от него добьемся!

– А чего он тогда психует? – запальчиво возражал пра-

вый. – Чего дергается? Печенкой чую – нечиста у него совесть. Вот слушай, – судя по голосу, он оживился, – в тот же день в том районе магазин ограбили. Может, он про магазин что-то знает, а, Володя?

Я чуть со шкафа не свалился. Еще и магазин на мою голову! Ну у них и методы!

– Ну ты, Витя, даешь! – фыркнул левый мент Володя. – Этак ты на него все повесишь. Там еще накануне вечером изнасилование было, и колеса у одного чудика сняли.

– Да ладно, все равно мы ничего не теряем, ну, посидит в камере до утра, завтра мы его прямо к Громовой, пусть она своими психологическими методами с ним разбирается. Ты пойми: ребята, что на труп выезжали, что говорят? Убийство нетипичное. Ножом в подъезде, девка одета как картинка, в ушах серьги с бриллиантами – оставили, шубу – не сняли. Сумочку даже не забрали, а в ней, между прочим, деньги были. И ведь могли хоть догола раздеть, потому что никого в подъезде не было и валялась она там не меньше сорока минут, пока кто-то из соседей не прошел. Я еще на этого недомерка посильнее нажму, авось повезет.

Я кубарем скатился со шкафа, потому что послышался стук отодвигаемого стула.

– Ну что, Андриаша, надумал признаваться? – Правый мент выглядел посвежевшим и отдохнувшим – дернули они там, что ли?

– Позвонить дайте, – снова попросил я.

– Кому это ты звонить надумал? Уж не адвокату ли? – издевался мент.

– Говорят тебе, у бабки сердце больное! – Я тоже повысил голос. – Она будет волноваться, если я к сроку не вернусь.

– Ничего твоей бабке не сделается, – отмахнулся он.

Сделается, еще как сделается, с тоской думал я. До утра эти сволочи меня здесь продержат, бабуля к полуночи от волнения заболеет, а к утру точно может и концы отдать… тьфу, чтобы не сглазить… А что, дома никого нет, помощь оказать некому, даже «скорую» никто не вызовет.

– Давай так договоримся, – снова завел мент, – ты сейчас пишешь, что знаешь, а ведь я вижу, что ты дергаешься, значит, что-то знаешь, а я потом даю тебе позвонить бабуле там или дедуле… куда хочешь. Подойдет такой вариант?

Как видно, он вник в рассуждения левого мента и понял, что я не полный идиот и признаться в убийстве девушки заставить меня будет нельзя. Тем не менее, чтобы выйти скорее из этого свинарника, а не ночевать в камере, я готов уже был рассказать им про «ауди» и про директора фирмы «Поллукс». Но тут я еще раз взглянул на правого мента и понял, что, если я скажу ему хоть что-то, он обрадуется и тогда вообще меня замордует вопросами и не то что выпустить, а даже позвонить все равно не даст. Это только в сериале менты хорошие, они подозреваемым даже потрахаться в кабинете дают, несмотря на то что потом имеют большие неприятности от начальства. А пожалеть больную старуху, которая уж

точно ни им, ни государству ничего плохого не сделала, – это им западло…

– Пока не дашь телефон, никакого разговора не получится, – твердо сказал я. – И больше никаких вариантов не предлагай.

Тут он вскочил, с грохотом опрокинул стул и заорал. Долго обзывал меня всякими словами и рассказывал, что он уж позаботится подсадить меня в такую камеру, чтобы до утра мне некогда было скучать, что мной будут заниматься и так далее и тому подобное. Я смотрел на него снизу вверх и думал, что вот прямо сейчас могу сломать ему руку или ногу, а может, и вообще убить А что – руки у меня не связаны, в любой момент могу вскочить. И ведь этот козел знает, что я владею карате, что же он так подставляется? От безнаказанности, понял я. Он знает, что он может сделать со мной что угодно, а потом скажет, что я сам упал десять раз. А я если только подниму руку, то сидеть мне ой сколько за нападение на нашу славную милицию. Вот так-то. А может, он просто не верит, что я что-то могу, – подумаешь, дипломы бабка показывала, внешность-то у меня обманчива. Соблазн был велик, но я удержался. Но поклялся себе, что если не дай Бог с бабулей за сегодняшнюю ночь что случится, то этого мента я найду и сделаю так, что он не то что в милиции, а нигде больше работать не сможет по причине инвалидности. Будет всю оставшуюся жизнь ездить в инвалидном кресле и вспоминать боевые милицейские будни.

В комнату заглянул левый мент. Как видно, ему тоже все надоело.

– Виктор, кончай эту бодягу! Этого в камеру до утра, и пойдем, поздно уже.

В камере пытался ко мне привязаться какой-то хмырь, привлеченный моим малым ростом, – вот, мол, какого к нам привели маленького да скромного. Я его быстро успокоил, а остальным хотелось спать, так что они не стали связываться.

Было душно, воняло потом и дерьмом, но главное – меня грызла тревога за бабулю, поэтому спать, естественно, я не мог.

Вот интересно, думал я, кругом сплошной криминал. Людей убивают, грабят и обворовывают на каждом шагу. Кого ни спроси – оказывается, что либо этой зимой вскрыли дачу и забрали все, что хозяин не смог вывезти в город, либо залезли в квартиру и унесли телевизор и видеомагнитофон, либо свистнули кошелек в автобусе, либо дали по голове в собственном подъезде и опять-таки ограбили. Воруют вещи из машин и сами машины. Воруют портфели у школьников и одежду. В нашем подъезде с осени обнесли три квартиры. Потерпевшие не всегда обращаются в милицию, но все же таких очень и очень много. Милиция всегда приезжает, и даже достаточно оперативно. Они работают, опрашивают свидетелей и делают все, что положено в таких случаях, не отступая от инструкции. И все, дальше конечная станция, поезд стоит на месте. Потому что никто из моих соседей, дру-

зей и знакомых ни разу еще не рассказал, что ему, допустим, вернули украденные вещи. Или хотя бы нашли преступников и вызывали его, к примеру, для опознания. Хорошие вести распространяются быстро, если бы случилось такое замечательное событие, весь город бы о нем знал! А что у них в милиции отчетность всегда в порядке и процент раскрываемости высокий, так их методы я сегодня наблюдал, так сказать, изнутри.

Часы отобрали, но я прикинул, что времени было около часу ночи – так, по ощущениям. И вот залязгали двери, в коридоре послышались шаги, дверь камеры отворилась, и на пороге возник заспанный дежурный.

– Журавлев! Выходи! – гаркнул он. – И барахло свое забирай!

Как будто у меня что-то было, кроме того, что на мне. Мы прошли по коридору, потом в маленькой комнатке мне выдали бумажник и часы и велели расписаться в получении. Я недоумевал: неужели отпускают? Почему тогда такая срочность? Это посадить человека у нас в любое время могут – хоть днем, хоть ночью. А вот чтобы отпускали срочно среди ночи – такое только в кино бывает.

Недоумение мое полностью рассеялось, когда я увидел человека, что ожидал на улице. Это был мамочкин муж собственной персоной. Вот этого мне только не хватало! Однако я сделал над собой усилие и пробормотал без особой радости:

– Здрассте!

Он не ответил, только зыркнул в мою сторону и кивнул на машину. Я сел на переднее сиденье, он тоже втиснулся, так что машина покачнулась – комплекция у моего несостоявшегося отчима весьма плотная.

– Доигрался? – буркнул он. – Доволен теперь?

Мне его тон сразу не понравился, но, по правде сказать, другого я и не ждал.

– Как бабушка? – Я решил сменить тему.

Он посмотрел оторопело – как видно, и понятия не имел, как там бабушка, подозреваю, что он вообще забыл о ее существовании. То есть в принципе он знал, что у его жены где-то там есть мать и сын, но не придавал этому значения. Меня-то как раз такое положение очень устраивало, но бабуля иногда начинала сокрушаться, что редко видит свою дочь.

– Ты мне зубы не заговаривай! – разозлился этот тип. – Ты хоть понимаешь, что, если бы не мои связи, тебе бы не поздоровилось?

– Ну уж! – усомнился я. – Спасибо, конечно, что приехали, но я так понимаю, что меня бы утром все равно выпустили. Нет у них ничего против меня, это менты так, развлекаются.

– Щенок! – заорал он и резко ударил по тормозам. – Ты с кем пререкаешься! Говорила мать – ничего путного из тебя не выйдет, а я не верил. Теперь вижу: так оно и есть. Ни хрена не работаешь, болтаешься как дерьмо в проруби…

– Как это, интересно, я не работаю?! – заорал, в свою очередь, я. – Ты, что ли, меня содержишь? Или, может, думаешь, что на бабкину пенсию вдвоем прожить можно?

Конечно, я понимал, что не нужно этого делать. Не стоит орать и ругаться, вообще не стоило с ним разговаривать. Отмолчался бы, поблагодарил за спасение, и все. Но уж очень достали меня давешние менты, да еще волновался за бабулю. И с чего этот козел, мамашин муж, так рассвирепел? Связи свои приплел… Да неужели же я поверю, что если бы что-то со мной было криминальное, то он стал бы хлопотать? Да я вас умоляю, ему сегодня всего и делов-то было – это пару звонков сделать да полночи не поспать. Менты меня задержали ни с того ни с сего, сами же говорили, что зря, а он тут лепит мне про связи.

– Ты мне не тычь, недоносок проклятый, ублюдок! – продолжал отчим наш содержательный разговор и даже замахнулся в запале.

– Вот этого не надо. – Я перехватил его руку и сжал сильно.

Было очень занятно наблюдать, как менялось его лицо. Сначала он удивился, как я посмел, потом просто налился злобой, так что лицо потемнело. Потом он удивился, что ему со мной не справиться, потому что я держал крепко и сжимал руку все сильнее, а ему из-за живота было не развернуться, чтобы достать меня второй рукой – руль мешал. Потом наконец он начал ощущать боль и до него дошло, что я

могу сжать руку еще сильнее. И он снова удивился, на этот раз тому, что я такой сильный.

– Про ублюдка не надо, – повторил я спокойно, – тем более что это никак не соответствует действительности.

Я отпустил его руку, открыл дверцу и, не оглядываясь, выскочил из машины. Доберусь уж сам как-нибудь.

Я припустил по улице бегом, хотя он и не думал меня преследовать. Просто хотелось восстановить утраченное душевное равновесие. Вот интересно, когда маман впервые привела этого типа к нам знакомиться, мне было лет тринадцать. Что там пацан в жизни понимает? Но про этого я сразу понял, что сволочь он первостатейная. Так что сейчас я испытывал даже легкое удовлетворение, что правильно человека с первого взгляда оценил.

Домой я добрался быстро – подвезли мужики на «скорой помощи», им по дороге было.

Дверь открыла маман, и у меня отлегло от сердца – хоть не оставили старуху одну.

– Ну что там? А где Сережа?

– Дома твой Сережа, – рыкнул я. – И не смей больше к нему обращаться, я со своими делами как-нибудь сам разберусь.

– Да ты что? – Маман набрала воздуху и собиралась меня как следует вздрючить, но тут из комнаты послышался слабый голос бабули, так что я просто отодвинул маман в сто-

рону и одним прыжком оказался в комнате. Бабуля лежала на кровати такая маленькая, и лицо ее было белее подушки. Увидев меня, она заплакала.

– Ну все, все. – Я присел рядом на стул. – Видишь, я вернулся, целый-невредимый, ничего не случилось, все в порядке…

– Чем это от тебя пахнет? – принюхалась бабуля.

«Дерьмом», – чуть было не сказал я, но вовремя прикусил язык.

– Ты в милиции был? Что они сказали? – жадно спрашивала бабуля.

– Все нормально, не нужно волноваться, это ошибка, она разъяснилась, больше я никуда не уйду.

Она успокоилась от звука моего голоса и утомленно прикрыла глаза. На кухне я узнал от матери, что бабуля подняла тревогу часов в десять вечера. Она звонила матери и до того ее взвинтила, что та рискнула обратиться к своему мужу за советом. Муж поднял ее на смех – взрослый парень к десяти вечера домой не пришел, а они всполошились. Но маман-то знает, что я всегда ночую дома; во-первых, боюсь бабулю оставить, а во-вторых, не у кого мне ночевать, с моим ростом у меня с женщинами вообще проблемы. Уж не знаю, что маман сказала своему мужу, возможно, что я псих и импотент, но он все же решил выяснить в милиции. И вот, так разозлился, что ему не дали поспать, что возненавидел меня пуще прежнего.

Я не стал рассказывать маман содержание нашей с ним беседы, пусть уж он сам ей распишет меня во всей красе, мне плевать.

* * *

Звонок матери без стеснения вырвал Надежду Николаевну Лебедеву из утренних объятий Морфея. Мать была полна праведного негодования и на такие мелочи, как звонок в восемь утра в выходной день, не обратила внимания.

– Ты только послушай, что происходит! – кипятилась мать на том конце. – Андриана забрали в милицию, продержали там до полуночи, хорошо, что его выручил Ленин муж, а Валечка чуть второй инфаркт не получила!

Надежда с детства спала всегда очень крепко, и никогда у нее не было бессонницы, даже слова такого в лексиконе ее не было. Она объясняла это своей многолетней работой на режимном предприятии. Действительно, в их институте работало множество людей, мужчин и женщин. С возрастом многие начинали прихварывать, но никто и никогда не жаловался на бессонницу. Если всю жизнь вставать в семь утра, а то и раньше, то за многие годы накапливается такой хронический недосып, что ни о какой бессоннице не может быть и речи.

Надежда всегда засыпала быстро, как только голова ее касалась подушки. Но в выходные любила поспать подольше,

впрок, как выражался ее муж Сан Саныч. Поэтому сегодня спросонья она никак не могла сообразить, с чего это мать так волнуется и зачем вообще звонит.

– Какой муж, какая Лена… – бормотала она, отнеся трубку от уха, потому что мать в волнении очень громко кричала.

– Надежда, я на тебя просто удивляюсь! – Мать задыхалась от возмущения. – Я тебе уже полчаса объясняю, что Валечкиного внука забрали в милицию из-за того дела… ну, с девушкой. Просто подошли на улице, посадили в машину и увезли. Сплошной произвол!

– Погоди-погоди. – Надежда с трудом продиралась сквозь остатки сна. – Андриана арестовали?

– Уже выпустили! – торжествующе сообщила мать. – Но для Валечки это было огромным ударом, у нее же сердце…

После того как Надежда уразумела ситуацию, мать облегченно вздохнула, но не отказала себе в удовольствии напоследок кольнуть:

– Иногда я недоумеваю, каким образом ты, так медленно соображая, умудрилась проработать ведущим инженером двадцать пять лет?

Надежда промолчала, хотя в словах матери не было ни слова правды. Соображала она быстро, и мать всегда это признавала, но сегодня с утра ужасно хотелось спать. Мать же в свои семьдесят лет была полна энергии и жажды жизни, ей-то встать в семь утра ничего не стоило.

Надежда полностью проснулась и загорелась узнать по-

дробности. Однако следовало быть осторожной, потому что муж тоже проснулся от телефонного звонка и теперь подозрительно тихо лежал на диване в обнимку с котом Бейсиком. Надежда опасалась, что Сан Саныч слышал неосторожно проскользнувшие в разговоре слова «арест» и «милиция» и теперь настороже, потому что очень не одобрял ее увлечения всякими криминальными загадками и всячески старался оградить от этого свою легкомысленную и не в меру увлекающуюся жену.

Она осторожно скосила глаза в сторону дивана. Так и есть, муж и кот делали вид, что спят, а сами тихонько и весьма неодобрительно посматривали в ее сторону.

– Я приеду днем, – уронила Надежда в трубку и отключилась. – Ну что, все равно вставать нужно было, – вздохнула она и потянулась за халатом.

– Хм, надеюсь мою тещу не арестовали? – осведомился Сан Саныч.

– С чего ты взял? – Надежда сделала честные глаза. – Это она сериал пересказывала, вчера очередную серию «Ментов» по телевизору смотрела.

Надежда тотчас со стыдом призналась себе, что сегодня с утра она не в лучшей форме. Хотя ее муж и относился к своей теще несколько критически из-за некоторых безапелляционных суждений, которые та высказывала иногда не совсем к месту, все же он не считал ее настолько выжившей из ума, чтобы позвонить дочери в восемь утра в субботу для то-

го, чтобы поделиться впечатлениями от вчерашнего сериала.

Надежда сделала вид, что она не может распутать узел на пояске халата, и поскорее удалилась на кухню. Главное сейчас было – это выпроводить его поскорее на очередную субботнюю халтуру, а там уж она позвонит или съездит к матери и все выяснит. Что там еще устроил этот ершистый парень Андриан? Вот уж характер у человека…

Она произвела ревизию холодильника, и к выходу мужа из ванной его уже ждал настоящий французский завтрак – горячие круассаны и кофе, а также масло, мед и варенье. Муж приятно удивился такому разнообразию.

Надежда умела готовить, хоть и не очень любила это занятие. Но, во-первых, она с детства усвоила истину, что мужа нужно хорошо и разнообразно кормить, а во-вторых, ей и самой хотелось сделать ему приятное, поэтому возня на кухне не доставляла ей неприятных минут. Единственным кошмаром, этой незаживающей раной, были завтраки. Как у всякой работающей женщины, времени у Надежды по утрам хватало только на то, чтобы наскоро ополоснуться и кое-что набросать на лицо, чтобы от него, от этого лица, не шарахались сотрудники, встретившиеся в проходной родного научно-исследовательского института. А ведь еще нужно было накормить это ненасытное рыжее чудовище, именуемое котом Бейсиком, и не забыть закрыть форточки, а то кот удерет к соседям через балкон и устроит там какое-нибудь хулиганство. Поэтому на долю Сан Саныча в будние дни доста-

валась неизменная яичница и бутерброды. Кукурузные хлопья и мюсли муж почему-то не одобрял, считал это детским баловством, а не завтраком для взрослого мужчины.

За завтраком Надежда непрерывно тараторила о хозяйственных делах, так что муж не успел вставить словечка по поводу ее криминальных увлечений.

После его ухода Надежда облегченно вздохнула и бросилась к телефону. Однако у матери было плотно занято – видно, беседует с закадычной подругой Валечкой, бабушкой Андриана. Скорей будет съездить к матери и все выяснить.

Надежда быстренько собралась, провела воспитательную беседу с котом на предмет неповреждения новых обоев и диванной обивки и отбыла из дому навстречу очередной удивительной истории, которые происходили с ней так часто, что и сама она уже перестала этому удивляться.

Мать была дома, и не одна, а с соседкой Александрой Михайловной, той самой ограбленной старушкой, из-за которой все и началось. Бабули сидели на кухне и находились в полном недоумении.

– Ты только послушай, Надя, что случилось, – обратилась мать к Надежде, против обыкновения не начав с порога выговаривать за опоздание и еще неизвестно за что.

– Что такое? – встревожилась Надежда. – Вы все здоровы?

– Вот Александра Михайловна сама расскажет, а я уж больше ничего не понимаю, – в раздражении ответила мать.

– Значит, сегодня утром, в полдевятого, звонит мне в дверь почтальонша наша Маруся, – послушно начала рассказывать соседка.

Надежда со слов матери знала, что почтальонша работает уже в их районе лет тридцать и возраст имеет солидный, но все равно все в округе иначе как Марусей ее не называли.

– Звонит, значит, Маруся и спрашивает, что это я за письмом не прихожу.

– Как это – не приходите? – насторожилась Надежда. – Вы же уже то письмо давно получили…

– Вот, я ей то же самое говорю, а она подает мне конверт, вот смотри, Надя.

Надежда осторожно взяла в руки обычный почтовый конверт и прочитала надписанный адрес:

– Город Санкт-Петербург, почтовое отделение двадцать семь, Ивановой Александре Михайловне, до востребования.

В графе «отправитель» ничего не было, только закорючка, которую с большим трудом можно было принять за подпись.

– И что там? – Надежда не отважилась без разрешения заглянуть в конверт – все-таки чужое письмо.

– Да посмотри, Надя, а то мы совсем запутались! – взмолились старушки.

Надежда осторожно, за краешек, вытащила из конверта небольшой листок гладкой шуршащей бумаги вроде тонкого пергамента. По краям листок был неровно, наспех оторван. Наверху бледно было напечатано семь цифр – 310 17 23, по-

том пропуск, потом еще цифры – 12 03 2003 14.30.

Дальше шел собственно текст, который выглядел несколько непонятно: «Сертолово терминал № 7 блок 4 секция 18 конт 2248».

И все, больше на листке ничего не было.

– Что ты об этом думаешь? – нетерпеливо спросила мать.

– Хм, а вы уверены, Александра Михайловна, что это письмо для вас?

– Да не для меня, я тут ничего не понимаю, но что на конверте почерк Жени, племянника, в этом я не сомневаюсь. Ведь он, можно сказать, на моих глазах вырос и в школу тут ходил, когда они с сестрой здесь, в этой квартире, жили… – Голос у старушки дрогнул. – Так что же это такое?

– Это факс, – дала Надежда исчерпывающие объяснения. – Вот тут, наверху, видите? Номер, похожий на телефонный, так это номер факса, то есть откуда он был отправлен. А дальше дата – вот, смотрите: двенадцатое марта две тысячи третьего года.

– А дальше что? – нетерпеливо спрашивала мать. – Что в самом письме?

– И зачем Женя его послал? – вторила ей соседка.

– Вот уж этого я не знаю, – честно призналась Надежда, хотя кое-какие подозрения у нее были.

Она еще раз внимательно прочитала текст. Что-то такое крутилось в голове насчет Сертолова, но хорошенько порыться в памяти мешали старушки. Александра Михайловна

уставилась на письмо со страхом, как будто ожидая от него больших неприятностей.

Надежда перевернула листок. На обороте от руки карандашом было наспех нацарапано: «Горох – 8, оф. 318, 324-28-39». Мигом сообразив, что это значит: улица Гороховая, дом 7, офис 318 и номер телефона этого самого офиса, – Надежда показала каракули Александре Михайловне:

– Вам адрес этот не знаком?

– Почерк мне знаком, – вздохнула та. – Женин это почерк.

– Так-так. А скажите, Александра Михайловна, что племянник про письмо говорил, когда звонил вам?

– Да ничего особенного он не говорил, получишь, говорит, письмо, теть Шура, так сразу домой иди, письмо спрячь и никому не показывай. И никому не отдавай, пока я сам за ним не приду. – Старуха вдруг посмотрела на Надежду с подозрением и забрала из ее рук конверт.

– Значит, письмо то самое, которое он послал. А что же вы на почте-то получили? – спохватилась Надежда.

– Сама не знаю. Подаю я, значит, девушке в окошечко паспорт, погляди, говорю, милая, есть ли мне что. Она говорит: «Ивановой – есть!» И подает мне конверт. Я и взяла, а смотреть на адрес не стала, потому что, откровенно говоря, ничего бы там и не увидела – очки забыла.

– Фамилия тебя, Александра, подвела, – вмешалась мать. – Ивановых-то на свете – пруд пруди, вот девушка и перепутала, дала тебе не то письмо.

«Фамилия не Александру подвела, а тех, кто хотел письмо у нее отнять, – подумала Надежда. – Письмо-то они отняли, да только не то. Вне всякого сомнения, им нужно было это письмо, именно в нем были сведения, так сильно их интересующие, что не побоялись люди пойти на открытый грабеж. И я сильно подозреваю, что девушка в белой шубке даже поплатилась жизнью за то, что принесла не то письмо».

– Про племянника ничего не слышно? Не давал о себе знать?

– Пропал он совсем, – расстроилась Александра Михайловна. – Я вот думаю – может, в милицию заявить?

– В милицию! – фыркнула мать Надежды. – Вот мы с тобой заявили в милицию про то, что тебя ограбили! И что они сделали? Андриана арестовали! Как будто это он девушку убил! Ну надо же такое придумать! Вот теперь заявишь, что племянник пропал, а он, может, совсем не желает с милицией дело иметь. Так потом тебе спасибо ни он не скажет, ни милиция!

Далее мать довольно толково пересказала Надежде всю ночную эпопею с Валечкой и ее внуком, сказала, что чувствует Валечка себя получше, а этот нахальный мальчишка Андриан, когда она, мать, стала ему выговаривать насчет того, что нельзя так обращаться с бабушкой, ответил ей невежливо, можно сказать, грубо.

– Он-то чем виноват? – заикнулась Надежда.

И пока мать гневно клеймила позором современную мо-

лодежь, она успела переписать содержание письма себе в блокнот – так, на всякий случай. Потом она выспросила Александру про племянника – где работал, с кем жил. Та отвечала, что жил Женечка в последнее время один – после развода, а работал телефонным мастером и всякую технику тоже чинил – «вот этот, как ты говоришь, Надя, факс… еще что-то».

– А вы место его работы знаете?

– Какая-то фирма, у меня где-то телефон был, – неуверенно проговорила старушка. – Да он там и не бывал почти, все по вызовам ходил, в разные учреждения.

Соседка ушла к себе. За чаем мать обиженно молчала, а Надежда думала о том, что характер у этого мальчишки Андриана, конечно, не сахар, но ведь и жизнь-то у парня не больно сладкая.

Странное дело, их матери знакомы с детства, а она, Надежда с Еленой, дочкой маминой подруги, совсем не общается. Не хочется им общаться, очень они разные. И хотя у Надежды есть что сказать Елене, она никогда не скажет, что женщины рожают сыновей для другой женщины, а дочерей – для себя. И что мать, растящая сына, исподволь готовит себя к разлуке с ним. Редко попадаются сыновья, которые живут с матерью до конца жизни. С дочками совсем другое дело. Дочки, взрослея, не отдаляются от матерей, а, напротив, становятся ближе, потому что у них появляются свои женские заботы, помочь в которых может только мама. И ре-

бенка спокойнее всего именно с матерью, а не со свекровью оставить, и если с мужем проблемы, за советом к матери бегут. И когда остается мать одинокой и болеет, то дочка берет на себя заботу о ней не только из чувства долга, а потому что ей это не в тягость. Так уж повелось, что от дочерей ждут ухода в старости. Не всегда легко со стариками, и времени не хватает, но нужно с этим мириться. И никому их не спихивать, даже внукам. Потому что хоть у маминой подруги Валечки и замечательный, заботливый внук, но нельзя молодого человека пристроить за старухой ухаживать, не его это дело. Ему надо жизнь свою устраивать, образование получать, работу приличную искать.

Надежда была уверена, что, скажи она такое Андриану, он бы возразил, что он к бабушке привязан и не мыслит другой жизни. Но все же не дело это. Так что нечего на парня наезжать, что характер плохой, необщительный. Ему и так в жизни досталось – с тринадцати лет, считай, вообще без родителей, одна бабушка.

Однако Надежда решила матери сейчас не возражать, а то как бы не поругаться – мать не любит, когда ей противоречат. Они условились созвониться, если будут какие-нибудь новости, и Надежда откланялась.

Усевшись в поезде метро, она достала бумажку с записанным текстом письма и углубилась в свои мысли. В голове упорно вертелось название «Сертолово». Где-то недавно она его уже слышала.

Ага, в этом поселке находится таможенный склад, туда поступают контейнеры с грузами и ждут, как теперь выражаются, растаможки, то есть когда фирма-получатель оформит все бумаги и заплатит пошлину. И у нее, у Надежды, есть даже знакомый, вернее, не знакомый, а сосед по даче, который дежурит на этом складе сутки через трое. Помогает ему большая кавказская овчарка Зена.

Надежда вспомнила, как сосед рассказывал, что его и взяли-то работать в Сертолово из-за собаки. Потому что собака – главный сторож, и ей тоже платят зарплату. От него Надежда с матерью и слышали название «Сертолово», они еще удивились тогда, потому что думали, что таможенные склады находятся прямо на границе. Сосед рассмеялся и подробно рассказал, что собой представляет склад – это такой длиннющий ангар, вернее, их несколько, и все заставлены контейнерами. Постороннему человеку там запросто заблудиться можно. Но он, сосед, уже хорошо ориентируется, да и собака там как у себя дома. Бегает всю ночь между контейнерами, охраняет добро, начальство довольно, премию даже платят.

«Если так много контейнеров, – размышляла Надежда, – то они должны быть расположены в каком-то порядке. Вот и получается, что указан не просто номер контейнера, а терминал, потом блок, потом секция, а потом уже номер самого контейнера, чтобы было легче искать… Значит, мы установили, что кто-то послал факс, на котором был записан точный адрес какого-то контейнера с грузом, прибывшего из-

за границы и находящегося на таможенном складе в Сертолове. Неизвестный послал факс, и второй неизвестный его получил. Хотя, судя по всему, получил его племянник Александры Михайловны. Зачем-то взял себе, хотя совершенно непонятно, каким образом этот факс мог заинтересовать мастера по починке факсов, и уж совершенно непонятно, для чего он послал этот факс до востребования собственной тетке. А также непонятно, для чего понадобилось это письмо отнимать у старухи, то есть не это, а другое, случайное. Но хотели-то отнять именно это! Кто хотел отнять? Если верить Андриану, то девушку послал, если можно так выразиться, на дело директор фирмы «Поллукс» Колыванов Арсений Павлович. Значит, это ему нужен был листок с координатами неизвестного контейнера…»

Тут Надежда прервала свои размышления, потому что объявили ее остановку. Дома был один кот, как обычно, голодный. Надежда отвлеклась на домашние дела, но мысль о загадочном письме все сидела в голове. Она никак не могла понять: что же со всем этим делать и каким образом письмо связано со смертью девушки? Отомстили за то, что принесла другое письмо? Возможно, они думали, что девушка письмо подменила? Кто – они? Директор фирмы «Поллукс»? Убил свою помощницу, чтобы избавиться от нежелательного свидетеля?

Ужасно хотелось позвонить Андриану и узнать, что ему инкриминировала милиция, но Надежда не хотела трево-

жить его больную бабушку. К вечеру она решилась и набрала номер. Андриан против обыкновения не стал хамить, а ответил на все ее вопросы. Надежда, уразумев ситуацию, страшно разозлилась. Она поняла, что у милиции нет никаких зацепок и они от нечего делать цепляются к парню – так, на всякий случай, чтобы изобразить деятельность.

– Как бабушка? – спросила она.

– Получше, но вряд ли я смогу в воскресенье выбраться из дома, – грустно ответил Андриан.

– Тогда вот что сделаем, – пробормотала Надежда. – У меня тоже есть новости, но по телефону никак про это нельзя говорить. Это касается твоего знакомого на черной «ауди»…

Андриан насторожился.

– Значит, в понедельник утром встречай меня перед работой, я тебе кое-что покажу. А пока сиди дома, береги бабушку.

– А я что делаю? – огрызнулся все-таки Андриан напоследок.

В воскресенье вечером Надежда, повинуясь слабому внутреннему голосу, стала смотреть передачу, которая сообщала обо всех криминальных событиях, происходивших за неделю, а может, и раньше. Преодолевая отвращение, она прослушала и проглядела кадры про убийства, разборки, кражи и мошенничества, происходившие в городе. Картина была удручающая по своему однообразию. Было похоже, что жур-

налисты, необдуманно назвавшие Петербург криминальной столицей России, понемногу оказывались правы.

«– А теперь последние новости о пожаре в Сертолове», – говорил диктор.

– О, пожар, хоть что-то новенькое, – оживилась Надежда, а когда до нее дошло название «Сертолово», она подкрутила ручку громкости и села поближе – вся внимание.

Оказалось, на таможенном складе в Сертолове был пожар, причем давно, десять дней назад. Называли дату – четырнадцатое марта. То есть в ночь с тринадцатого на четырнадцатое внутри вдруг загорелось. И хотя пожарные выехали по вызову тотчас же, но удалось потушить не сразу, пострадало несколько контейнеров, так что таможня должна будет платить стоимость товара. Ведется следствие, и компетентные органы склоняются к тому, что пожар случился не просто так, а в результате поджога. Хотя на месте происшествия никого подозрительного задержать не удалось. Погибли один из сторожей и собака.

При этом сообщении у Надежды неспокойно стало на душе: не сосед ли Николай Михалыч погиб при пожаре со своей красавицей Зеной? Не дай Бог такого несчастья!

Она порылась в записной книжке и нашла его городской номер телефона, не представляя себе, что будет говорить в случае, если там все плохо. Однако опасения ее не подтвердились, потому что трубку снял сам Николай Михалыч и слышен был гулкий лай – значит, с собакой тоже все в по-

рядке.

Сосед по даче не удивился ее звонку, сказал, что все знакомые, которые слышали о пожаре, уже ему звонили и что она, Надежда, позже всех собралась. И что нехорошо, конечно, радоваться, но его Бог уберег, не его тогда было дежурство, а то неизвестно еще, чем бы дело кончилось.

– Много всего сгорело? – спросила Надежда.

– Да не так чтобы очень, одна секция всего выгорела, восемнадцатая.

Надежда, перед которой лежал листок с записями, удовлетворенно кивнула: она так и думала. Терминал номер 7, четвертый блок, секция номер 18 – все сходится. Трудно было поджечь именно тот контейнер – за номером 2248, так что пришлось ликвидировать целую секцию.

– Несколько контейнеров здорово пострадало, – солидно продолжал Николай Михалыч. – В одном – ценное какое-то оборудование было, медицинское, кажется, от жары все полопалось. Теперь у начальства неприятности со страховой компанией, большие деньги платить придется.

Надежда смекнула: где страховая компания, там следствие будут вести строго, деньги-то большие платить никому не хочется зря. Ожидая, что сейчас посыплются недоуменные вопросы – с чего это она интересуется пожаром, Надежда передала привет овчарке Зене и поскорее отключилась.

Утром в понедельник я ждал Надежду Николаевну в пе-

реходе метро, чтобы перехватить ее перед работой и обменяться информацией, на чем она очень настаивала.

Про мои события в ночь с пятницы на субботу она уже знала и очень ругала следователя Громову за самоуправство. Я, хоть и был зол на милицию, сказал все же, что, по моим предположениям, Громова тут не виновата, что посадили меня менты без ее распоряжения. Но Надежда со мной не согласилась:

– Все они одинаковы, правды не найдешь! Но мне некогда, так что слушай!

И она быстро и толково изложила мне все про письмо и показала свои записи.

– И вот смотри, я тут вчера прикинула на листочке: 12 марта кто-то принял факс, там есть дата. Дальше, 14 марта в Сертолове случается пожар, и, как мне удалось выяснить, предположительно, правда, сгорел именно тот контейнер, номер которого был послан по факсу. Значит, факс этот оказался у племянника Александры Михайловны. Как? Случайно, допустим, чинил он аппарат, а потом случайно принял факс.

– И сразу заподозрил неладное? – скептически заметил я.

– Не сразу, но бумажку зачем-то прихватил с собой. Сможешь узнать, откуда факс был послан? – неожиданно спросила Надежда.

– А вам зачем?

– Затем, что тут какая-то загадка. Уже два человека во-

круг этого факса погибло: девушка и сторож при пожаре.

– Собаку не забудьте, – фыркнул я.

– И собака, – невозмутимо согласилась Надежда. – А еще исчез теткин племянник, потому что после его звонка насчет письма, который был пятнадцатого марта, от него ни слуху ни духу.

– Вы думаете, что и племянника – того? – не поверил я.

– Очень даже может быть! Но не будем делать не подкрепленных ничем предположений. Только неспокойно мне что-то, потому что пятнадцатого он позвонил, что придет письмо и чтобы тетка его берегла, а восемнадцатого марта письмо у тетки отбирают и потом девушку, замешанную в этом, убивают.

Я внимательно посмотрел на Надежду. Глаза у нее горели хищным блеском.

– Послушайте, зачем вам это все надо? – не выдержал я.

– Как – зачем? – вскинулась Надежда. – Ладно, все равно на работу опоздала, так что сейчас объясню. Вот, слушай. Взяли тебя менты ни с того ни с сего – на всякий пожарный случай. Ты, я так понимаю, держался там у них неплохо – на допросе сидел тихо, а в камере сумел за себя постоять.

– Все так, – кивнул я.

– Разумеется, есть у них методы, чтобы расколоть, как они выражаются, кого угодно. Но к тебе вряд ли они стали бы их применять, действительно подозрений против тебя никаких. Так что выпустили бы тебя утром по-тихому, а Громова по-

том при встрече, возможно, даже извинилась бы – мол, перестарались ее помощнички, не давала она такого распоряжения, и виновные, мол, будут наказаны.

– Так уж и наказаны! – усомнился я.

– Сказать-то все, что угодно, можно! – отмахнулась Надежда. – Ты не перебивай, а слушай. Но дело-то обернулось совсем по-другому. Вдруг, среди ночи, приезжает какой-то тип из ФСБ и отмазывает тебя срочно. Твой… отчим там, в ФСБ, большая шишка?

– Не знаю, полковник вроде, – нехотя процедил я.

– Наверное, большая. Так вот, я и думаю, не оказал ли он тебе медвежью услугу? Я, конечно, не в курсе, но везде пишут и говорят, что ФСБ и милиция между собой всегда на ножах и если есть возможность друг другу подгадить, то они это со всей душой запросто сделают. Я следователя Громову немножко знаю…

– Откуда, интересно?

– Не спрашивай, долго рассказывать. Так вот, она теперь в тебя вцепиться может, как бультерьер. И затаскает по допросам.

– А вам-то что? – невежливо перебил я. – Какая у вас забота?

Надежда Николаевна посмотрела на меня укоризненно и вздохнула:

– Вообще-то, если честно, ты прав. Я, как всегда, лезу не в свое дело. Тем более что ты действительно ни в чем не ви-

новат. Просто мне интересно разгадать эту загадку.

– Так бы сразу и говорили! – ворчливо начал я. – А спасать меня не надо, я и сам могу о себе позаботиться.

– Что ты собираешься делать? – встревожилась Надежда.

Хоть мне и не хотелось раскрывать свои планы, но мне понравилось, как Надежда честно ответила, что просто хочет разгадать криминальную загадку, а не стала распинаться, как она за меня волнуется и переживает. Поэтому я помолчал немного, а потом пришлось сознаться, что мне тоже хочется узнать, какая же сволочь убила девушку. Уж больно красивая была длинноножка, жалко ее мне. Неплохо бы найти убийцу и поднести его следователю Громовой на блюдечке с голубой каемочкой, чтобы она от меня отвязалась.

– Только не лезь в криминал, это опасно!

– Хорошо, не буду, – кротко ответил я Надежде Николаевне, хотя план действий на первое время уже был у меня в голове.

Надежда посмотрела на часы, охнула и заторопилась. А я быстренько купил продуктов, потому что утром отпросился у бабули только в магазин, и позвонил своему приятелю Вовке Околевичу. Мне нужны были колеса.

Околевич сидел дома в полном унынии. Этому я не удивился – ни тому, что он дома, потому что он крутой программер и работает дома на компьютере, ни тому, что он сразу же начал ныть и жаловаться на судьбу. Околевич – мой бывший

одноклассник, он сутулый, лохматый и очень высокий. А я – ну, вы представляете, как мы смотримся вдвоем. В школе наслушались мы с ним всякого, но Околевич не обращал на клички внимания, а я, как уже говорил, освоил карате, и связываться со мной стало небезопасно.

Околевич живет с матерью и двумя сестрами значительно старше его, которые совершенно его завоспитывали. Они так его достали, что в голове у бедного Околевича что-то сдвинулось на почве женщин. Логично было бы предполагать, что он возненавидит все женское население города Санкт-Петербурга и окрестностей, но с ним случился казус похлеще. Околевич вбил себе в голову, что ему нужна не просто девушка, а принцесса, неземное создание, этакий ангел с крылышками. Он считал, что только у него в доме три мегеры, а где-то на свете сидит в башне красавица и ждет своего принца. Разумеется, я утрирую, но не сильно.

К тому же Околевич еще и сильно влюбчив: стоит ему увидеть девчонку, которая хоть капельку подходит под его мысленный идеальный образ, – он тут же готов. Вначале все идет замечательно, он забрасывает девушку цветами и читает ей стихи. Какая женщина не радуется букету цветов? Однако когда во вторую или третью встречу его возлюбленная дает понять, что она не бесплотный ангел, а живая женщина, которая хочет есть, пить, все остальное, требует подарков и не так уж любит стихи, то Околевич сразу же теряет к ней всяческий интерес и от разочарования впадает в депрессию.

Я со своим звонком как раз угодил в такой период. Околевич жаловался на судьбу и пребывал в сильном расстройстве. Я пытался выпросить у него машину, потому что следить за директором фирмы «Поллукс» без машины было бессмысленно. Околевич вообще-то парень покладистый и машину свою – старенький «жигуленок» – дает мне беспрекословно, несмотря на ворчание своих домашних ведьм, но в этот раз он собрался со мной, сказал, что поездка отвлечет его от неприятностей.

Я забежал домой, чтобы бросить продукты, и застал бабулю в смятении. Оказывается, звонила Громова и требовала меня сегодня на допрос. Я дико разозлился, потому что бабушка снова впала в панику, успокоил ее как мог и ушел.

Местонахождение фирмы «Поллукс» я выяснил еще раньше, и теперь, подъехав к дому на улице Жуковского, мы увидели припаркованную знакомую черную «ауди». Околевич пристроил машину в двух кварталах от «ауди» и занервничал.

– Что, так и будем весь день тут ошиваться? Скучно.

– А что делать? – взвился я. – Как его еще достать? Раз машина стоит, значит, он тут и рано или поздно выйдет.

– Что это за фирма такая – «Поллукс»? – полюбопытствовал Околевич. – Чем она занимается?

– Хорошо бы это выяснить – так, на всякий случай. Сможешь по своей базе данных?

– Запросто! – согласился Околевич.

– А еще, – я вспомнил о просьбе Надежды Николаевны, – вот тебе номер факса, выясни, откуда он пришел, что за фирма и адрес ее.

Мы посидели еще полчаса, потом он заныл, что хочет есть, и смотался к ближайшему ларьку за гамбургерами. Я не люблю есть такую дрянь, но в данном случае не было выбора. Прошло еще сколько-то времени, было уже около часу дня. Я испытывал слабую надежду, что хоть на ленч-то этот Колыванов, директор фирмы «Поллукс», куда-нибудь съездит. Так оно и вышло.

Я узнал его сразу, как только увидел. Именно этот тип разговаривал с длинноножкой в машине. Его брезгливо оттопыренные губы и щеки свисают, как у хомяка. И что только она в нем нашла?

Тип подошел к своей «ауди» и завертел по сторонам головой, еще больше напоминая хомяка. Толстенький такой хомячок, упитанный, зернышками питается, в банке сидит.

Он сел в свою баночку, то бишь машину, и тронул ее с места.

– Давай за ним, только держи дистанцию! – приказал я Околевичу.

«Ауди» остановилась возле огромного здания, которое все было занято офисами, о чем свидетельствовали бесчисленные вывески у входа. Я осторожно вышел из машины и велел Околевичу уезжать, если я не вернусь через полчаса.

Ждать меня дольше было чревато, потому что кто-нибудь из охраны мог заинтересоваться старенькими «Жигулями» – таких машин возле дома не было, больше все иномарки пошикарнее.

В холле дремал упитанный милиционер. Мой Хомяк прошел мимо него, махнув каким-то удостоверением. Милиционер на секунду взбодрился, изобразив бдительность, и снова погрузился в сладкие послеобеденные грезы. Выждав полминуты, я тронулся вслед за Хомячком, поравнявшись с милиционером, распахнул перед его носом членский билет Всероссийского общества кактусоводов-любителей на имя Околевича (понятия не имею, как его угораздило в это общество вступить, он кактус от ежика отличит только по меньшей подвижности). Милиционер сонно глянул в мою книжечку и не шелохнулся – уж больно у меня вид безобидный. Хомячок уже уехал на лифте. Я взглянул на светящееся табло как раз вовремя, чтобы увидеть, что лифт остановился на шестом этаже. Пользоваться лифтом я на всякий случай не стал – когда открываются автоматические двери, чувствуешь себя каким-то очень беззащитным, а поставить возле лифта охранника – самое милое дело.

Взбежав на шестой этаж по лестнице, я порадовался тому, что дыхание даже не участилось – все-таки тренировки дают себя знать. Дверь с лестницы в коридор никем не охранялась и была открыта. В длинный коридор выходил десяток дверей. Солидных, основательных дверей. Совершенно одина-

ковых, только одна из них на моих глазах плотно закрылась. Стало быть, туда только что зашел мой толстощекий друг.

Оглядевшись по сторонам и не заметив признаков подозрительной активности, я проскользнул вдоль коридора. Сначала дернул ту дверь, что была левее интересующей меня. Дверь открылась. За ней была приемная со всеми полагающимися причиндалами – ковром, столом, компьютером и секретаршей. Ковер, стол и компьютер промолчали, а секретарша спросила недоуменно:

– Вы к кому?

– Курьер из «Снабстроймелкосбыта», – ответил я мгновенно очень деловым тоном, – у меня пакет для Святозарова.

– Нет здесь никакого Святозарова! – ответила девица, недовольная тем, что ее оторвали от какой-то компьютерной стрелялки-догонялки.

– А это разве не шестьсот четвертый офис? – спросил я с видом растерянного идиота.

– Нет, шестьсот четвертый дальше по коридору, – буркнула она раздраженно.

Я извинился и закрыл за собой дверь.

Теперь попробовал открыть ту дверь, что была правее нужной. Дверь была закрыта. Снова оглядевшись по сторонам, я вынул из кармана обыкновенную канцелярскую скрепку. Трудно даже вообразить, сколько полезных вещей можно сделать канцелярской скрепкой. Говорят, банковские работники умудряются при помощи скрепки вытаскивать из

опечатанной упаковки денег одну бумажку, не нарушая печатей. Было в упаковке сто купюр, а стало девяносто девять, и никакие претензии не принимаются. Мне же нужно было всего лишь открыть простенький замок. Что я и сделал за какие-нибудь десять секунд.

Проскользнув за дверь и плотно прикрыв ее за собой, я огляделся.

Комната, куда я попал, была очень запущенным офисом. Несколько столов и стульев принадлежали к совершенно разным эпохам в истории офисной мебели. Пара столов попала сюда, наверное, из жилконторы советских времен – лакированная ДСП с многочисленными следами от горячих чашек и небрежно затушенных сигарет, перекошенные ящики. Один стол куплен совсем недавно и выглядит среди прочей рухляди как «мерседес» в толпе «запорожцев» – столешница с покрытием «металлик», откидная доска для компьютерной клавиатуры… самого компьютера, впрочем, не было. Короче, фирма, в чей офис я попал, явно не процветала. Вдоль стен стояли многочисленные стеллажи, заставленные толстыми конторскими книгами, папками и торговыми каталогами.

Внимательно оглядев стену, примыкающую к интересующему меня помещению, я нашел то, что нужно: вентиляционную решетку. Аккуратно вскарабкавшись по стеллажу – ни одна книга не свалилась с полки, – я прильнул к решетке ухом. Довольно отчетливо были слышны два голоса. Что-

бы лучше слышать разговор, выкрутил винты и снял решетку. Теперь, заглянув в отверстие вентиляционного канала, я увидел соседний офис. Мой Хомячок разговаривал там с каким-то человеком, которого мне не было видно. Судя по голосу, он был довольно пожилым, а судя по подобострастной интонации Хомячка – очень важным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.